

Aura Thoth

Фрэш Органс

ЭХО ИЗ МЫ

Syntax

Die or Modify

УДК 00-0
ББК 00(....)-0
УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А93

Aura Thoth

А93 Фрэш Органс, Syntax (Die or Modify). – М.: Издательство
Перо, 2023. – 112 с.

ISBN 978-5-00218-720-1

Повествуя о явлении искусственного Paralaxa, автор в новой научно-фантастической истории объясняет причины уничтожения Настоящего Мира.

Добиться контроля над материей оказалось не так уж и просто, из-за чего пришлось прекратить Случайный Мир до последней точки, тем самым остановив настоящий Paralax. Так произошёл ADAY. Последние дни видов. Однако на что только не пойдёшь ради «чего там сойдёт в качестве оправдания?».

Платформа Abadon позволила развернуть искусственный Paralax за пределами пространства и времени, благодаря чему были открыты Синтетические Колонии Skylights, предназначенные для лучшей жизни.

Узнать, оказался ли эксперимент действительно удачным, можно на страницах истории «Syntax».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00218-720-1

© Aura Thoth, 2023

Syntax

Вода перестала быть мокрой и сырой. Сухими лохмотьями она разрывалась в клочья и шуршала. Всё прекратило быть собой. Внешний вид любого объекта не мог его объяснить, перестал предупреждать об ожидаемом содержании. Все настройки были сбиты в сторону неявного субъективного отношения. Три перестало означать что-то одно, теперь оно могло иметь любое значение. Десять состояло из пяти для одного и четырнадцати для другого. Два плюс два могло превратиться в ноль. Важным стало не то, что складывают или вычитают, а для кого это предназначено. Результат любого действия определялся тем, кто получит его, отличаясь для всех. Каждый мог иметь своё, получая неодинаковое двадцать три. Значение посылки зависело от её приемателя. Равенство и постоянство обратились в индивидуальную переносимость. Снег горел и мучительно обжигал, оставляя рваные пятна на закалённой поверхности. Каждый увидел во всём только себя. Мир почти получил свободу. Мир без воды и огня, в котором всё увидеть нельзя.

Схема экстенгов распадалась на отдельные несвязные части, теряя единый смысл. Экстенги, опиравшиеся друг на друга, теряли фундамент, случайным становилось всё, слои проваливались и складывались.

Кнут разглядывал схему экстенгов. Вложенные как этажи миры, сжимались в один.

— Основы разлетаются, с каждым последующим уровнем это проявляется сильнее. С двадцать пятого объектов нет, они не могут собраться. Сплошная пыль, ничего. Когда последний экстенг дойдёт до первого...

отвлечёмся. Начало, как оказывается, это конец. Представим себе круг, обычное плоское кольцо. Всё в итоге усложняется и складывается настолько, что превращается в ноль.

...мы превратимся в пески. Никакого нас уже нет. Всё, что мы видим, скоро исчезнет совсем. Двадцать пятый, двадцать шестой и все последующие экстенги пусты. Время подходит к концу. Миры поглощают себя. С восемнадцатого по двадцатый тонкий слик, они отсутствуют. Мы потеряли половину всех экстенгов. Пределы мира меняются, нас сжимает со всех сторон. Информация сокращается, частот не хватает. Когда начнётся Сжатие, нас спрессует в хлопок.

Ground Zero. Центр Ноль.

Это, пожалуй, самый интересный этаж. Здесь пытаются контролировать существование всего, хотя изначально предполагалось без «пытаются», всё ещё Центр Ноль отвечает за контроль, управление Paralaxом, Сиянием точек. Именно здесь и решают, какие точки ЭХО включать и выключать. Вся система управления Paralaxом это Ruptor, пушки которого снимают и запускают волну ЭХО, и его мозги Henot.

Старания вывести законы, найти логику Случайного Мира бесполезными были всегда. Правило есть одно. Всё может происходить само по себе, случайно, или это можно каким-то образом контролировать, создавать...

отвлечёмся. Точка одна, она видит ЭХО себя, появляется иллюзия многа точек. Из них каждый миг складываются объекты, из которых в целом миговая картинка мира, картинки связываются в последовательность, это и есть жизнь. Welcome to Paralax.

...всё, что мы знали о мире, по сути, есть ничего. Материя имеет память связей. Так, всё складывается по однажды случившемуся пути с искажениями, приводящими к ошибкам и изменениям. Когда картинки складываются материей, для нас это Случайный Мир. Ruptor этот процесс может контролировать, включая

и выключая точки. Henot выбирает, какой мир, то есть память каких связей, мы будем включать и выключать сейчас. Система помогает нам контролировать Сияние, всю эту иллюзию материи Настоящего Мира.

Будем реалистами. Настоящий Paralax никогда не был в наших руках. Точка, одна, не хочет нам отдавать власть над собой. Несправедливо, но факт, о котором знаем мы и знает она. Точка есть, а нас как бы нету. Ну и кто мы, чтобы что-то решать. Пришлось придумать искусственный Paralax. Его разворачивает Платформа Abadon, запуск которой решил всё, с нами, для нас. Точка решила избавиться себя от суеты и хлопот, от нас. Тик Так.

Вадук показал Аркан. Мечта превратилась в кошмар. Страшнее города нет. Главный взбесился.

— Этого не должно происходить! У всего есть предел!

Вадук включил показатели связности.

— Аркан ненадолго здесь. Все мы куклы, создаваемые Лунаторием. Ничего не появится само, не может, не должно, но только для нас. Моры могут всё. И связи им не нужны. Списки лишь поддерживают контент. Мы уже не в Аномии.

Вадук подошёл к окну. По городу летали огромные механические тучи.

— Эти машины пока ещё создают наш мир. Можешь сам прочитать, что написано на каждой из них. Я помогу. «Аркан». Только вот это не значит ничего. Машины Аркана здесь, в мире которого нет, это уже не Аркан, это новый мир, который пока ещё ты видишь не весь, но это быстрый процесс. Весь мир не будет создаваться этими машинами. Нас ждёт мир Моров. Не успеешь заметить, как всё изменится.

Арканы кружили по всем городам, переделывая всё, по точкам они перестраивали весь мир, включая и выключая точки, меняя значение ЭХО тиковой глубины. Заглядывая в каждую тень, меняли всех и всё. Машины, создающие жизнь, определяющие её, проверяли каждый кусочек пространства, открывали и закрывали точки, реальность поддавалась сразу и легко, всё ненужное превращалось в соответствие, никаких случайных объектов, случайного никого и ничего. Такие фокусы происходили только не с новой материей. И менялась материя на глазах. Никто не учёл Моров. Они появлялись сами и переделывали всех в подобие своего.

— Мы надеялись, больше ничего не появится само, что машины будут создавать этот мир. Связность скоро сойдёт на нет, и мы не можем это остановить. Но вот создавать эти машины не смогут ничего.

Симпатия бежала за Срахом, они торопились на Вокзал.

— Значит, Ruptor не справляется и не справлялся никогда. Ну это меня вообще не удивляет. А материя решила избавиться от нас и превращает всех в Моров? Я так понимаю, никто особо не хочет превращаться в них. А вариантов уже, получается, что и нет.

Срах Кукла следующего поколения, после Симпатии.

— Материя после запуска Платформы Abaddon стала меняться слишком быстро. Мы хотели создать Аномию, прекратить все связи и сами создавать жизнь. Материя опережает нас. Она сама уничтожает все связи, и больше не позволит их вернуть. Мы не сможем создавать связи между точками, потому что их больше нет. Моры, новый вид, не имеют связей в объектах. Материя не так глупа. Она сама сворачивает Paralax. Сначала убирает связность, а потом и точки схлопнутся в одну, после того как все будут усреднены. Моры не совсем другой вид, это нематериальная жизнь в Настоящем Мире из одной точки.

Симпатия остановилась.

— Слышишь, чё говоришь? Настоящая нематериальная жизнь в мире из одной точки? А я? А ты? Эт чё за мир?

Срах уже ушёл далеко вперёд, но продолжал говорить.

— Мир, в котором все равны, между собой объекты не имеют связей в точках, но это по началу, пока ЭХО всё таки есть. Все такие новые точки вместе связаны между собой. Это один единый организм.

Симпатия догнала Сраха.

— Нет отдельного «я»? Все они кто-то один?

Срах любил разговаривать с Симпатией, со всеми то и дело болтал. Прямо таки справочное бюро, а не Кукла. Общительный экземпляр.

Моры все распоряжаются всеми. Каждый не распоряжается ничем, даже собой. Мы хотели освободиться от материи, а вышло наоборот. Мы надоели ей. Человек, Аморфы, последний настоящий материальный вид.

Парагон был переполнен Морами. Симпатия отталкивала их.

— Они всех подряд превращают в себя. Бесхребетные, безропотные твари! Какой неприятный внешний вид. Все как один.

Срах поторопил Симпатию, которая стояла и рассматривала Моров с разных сторон.

— Не будет больше человека. Это последний

естественный материальный вид. Теперь настоящая жизнь будет нематериальной. Моры. Полчище уродов каких-то! И какие варианты ещё? Я, конечно, догадываюсь сама, но в голову лезет одна ерунда. Как такое может быть?

Срах был сильно привязан к людям, хотя, скорее, к материи, какого происхождения ни была бы она, потому сразу так и сказал.

— Нас ждёт Настоящий нематериальный Мир. Моры. Или ненастоящая материальная жизнь. Хромы. И ненастоящие материальные Синтетические Колонии Skylights.

Симпатия шла и бубнила.

— Не вижу проблемы. Чё тут панику создавать. Понятное дело, Хромы. Кому нужна нематериальная жизнь? Тем более общая, одна на всех. У точки явно проблемы с головой. Чё тут выбирать. Настоящий Мир, ненастоящий, главное, чтоб материальный. Хотели свободу, начинайте её забирать.

Профессор осмотрелся вокруг. Он едва мог разобрать происходящее. Всё странным образом проносилось мимо него, искривляясь и расплываясь, наваливаясь и отступая. Кто-то толкнул его, заставив сосредоточиться на одном месте, том, которое он занимал в текущий ускользающий

момент.

Профессор обнаружил себя в стройном ряду, который со всех сторон пополнялся стекающими в одну непрерывную струю объектами, вероятно, как подумал Профессор, прибывшими сюда таким же нелепым образом, как и он. Этот поток медленно продвигался вперёд. Кто-то позади, казалось, понимал больше всех остальных.

— Почему так долго? Что на этот раз?

Профессор обернулся. Там, позади, кто-то нервничал и торопил всех вперёд, в то время как остальные совершенно безучастно протекали дальше. Стали заметны очертания Поста и «Добро пожаловать в Парагон». Профессор наконец ощутил всего себя целиком, потянулся, в своих руках он держал небольшой журнал. В его голове не было ни одной мысли, которая сейчас помогла бы ему справиться с отсутствием понимания того, что происходит, преодолеть желание выйти из строя. Его очередь подошла.

— Ваше разрешение?

Argusy принялись обыскивать Профессора. Один из них взял журнал, проверил его содержимое, сверил указания и данные с тем, что имелось у него на осматриваемый

объект, и подозрительно уставился на Профессора.

— Вам известна причина вашего досрочного возвращения?

Профессор показал на журнал, это единственное, что пришло ему в голову, другого ответа у него не было, он и сам ничего не знал.

— Всё в порядке. С возвращением в Парагон.

Профессор прошёл через небольшой коридор и оказался на площади вокзала, сразу же заметив большое количество покидающих Парагон. «Отправление». Табло с названием городов, номера и «Пройдите к выходу 25... выходу 41», доносилось откуда-то сверху. Желаящих покинуть это место было чересчур много. На отдельной стене висели списки утверждённых разрешений на отправление.

Вокзал Tagel был переполнен. Профессор стоял и растерянно читал про себя. «Нибл, Калами, Лидо, Оризон».

— Кажется, это конец! Моры захватили почти все города! Куда отправляешься? Меня вот направили в Колонию 53, мой мир уже свернули, но я не верю в ненастоящую жизнь. Как думаешь, Оризон захвачен? Я хочу остаться здесь, в Мире Настоящем.

Профессор обернулся и посмотрел на человека, который копошился в своих карманах.

— Я только вернулся, — сказал Профессор.

— Откуда? Ты был в Оризоне? Там тоже всё плохо?

Голос сверху объявил отправление, и человек побежал к выходу номер семь. Профессор прошёл через площадь и оказался на улице.

Парагон. Экстент 4. Предел Феникса.

Как Профессор ни старался, в памяти не было ничего, вспоминать было нечего. Он очень отчётливо понимал, что видит этот город впервые, и решил немного пройтись. Профессор рассматривал людей, здания. Внешне это место ничем не отличалось от прочих других, за исключением того, с какой скоростью в голове проносились разные мысли, голоса, безумный поток информации постоянно бурлил в голове. Странные вещи происходили вокруг. Кто-то сел в кугель и полетел, в то время как кугель продолжал оставаться на прежнем месте, в него всё залезали и залезали, прилетали и улетали, а он оставался.

Странным показалось особенно то, что Профессор заметил не сразу. Проходя мимо разных окон, как он догадался потом, он видел себя, а не кого-то, вот только

эти «он» постоянно менялись внешне, что вполне соответствовало тому, что творилось у него в голове. Повсюду звучали призывы покинуть Настоящий Мир, рекламы Синтетических Колоний Skylights. Профессор повторял «Prodrome», но заклинание не помогало.

Десигнат. Корпус Шторм.

Диспетчер.

— Fasis три. Сбой связи.

Штормовая бригада.

— Fasis три принято. Где точка сбоя?

Диспетчер.

— Зона Два.

Шторм.

— Fasis три, Зона Два. Принято.

По всему корпусу Шторма раздались обильные звуки сигнальной тревоги.

— Мы отправляемся в Зону Два. Смена форматов будет болезненной. Четвёртый, семнадцатый и восьмой.

Командир поставил кресты в журнале дежурств. Все остальные разошлись по местам, команда отправилась к

выходу. Они зашли в ангар, где их ждал Волан, транспорт, который обеспечивал перемещение между экстендами и их Fasisами. Шторм один набрал «Зона Два». Все укрепились на своих местах. Волан отправился к чёрту, на дно.

По мере перемещения, всё вокруг, и Волан, и его пассажиры, трансформировались до экстенда два. Внутри Волана загорелся свет, тусклый и плоский, желтоватый и мутный, а главное, совершенно безжизненный и пустой.

— Прибыли. Чё ты ржёшь? На себя посмотри!

— Что за...

— Собрались! Шторм четыре, прекратить балаган!

Команда покинула Волан. Всё из привычного 6D трансформировалось так, будто откатилось на пару тысяч лет назад в глубокий исторический лёд.

— Наша цель, Registr, сворачиваем мир и уходим как можно быстрее. Эти исходные модули не должны попасть в руки Моров.

Парагон. Panopticon Regular.

В кабинет начальника влетел потрёпанный Argus.

— Тебе надо самому посмотреть. Вохы на первой линии

и четвёртой негерметичны.

А вот и сюрпризы. Hullabaloo направился к камерам. Regular напоминал собой хранилище, или очень большую тюрьму. Огромное здание в бесконечное количество этажей. На каждом этаже по кругу расположены Voxы. Справа от двери, ведущей в Vox, висит монитор, который содержит компендиум, перечень всего, что находится за дверью, а это целый отдельный мир, со своим количеством измерений и объектами, оставленными в нём или допущенными в него. За каждой такой дверью находится свой Нибл, Калами, Odal, Оризон. Hullabaloo стоял посреди башни и смотрел ввысь, его взгляд скользил от этажа к этажу. Argus волновался.

— Vox тридцать один. Он никогда не покидал его, он не мог. Этот мир он считал своим. Он не стал бы.

Hullabaloo осмотрел компендиум и не нашёл в перечне объектов Voxа тридцать один его самый главный объект.

— До этого момента. Ищите его, пока Моры не нашли.

Regular осуществляет управление Одновременностью, рекурентностью, посредством поддержания всех миров, Fasisов одновременно. Точка всего одна, никаких ещё, других или больше. Но её ЭХО варианты существуют, по крайней мере склонны и способны к существованию

одновременно. Именно поэтому мы воспринимаем наш мир, видим его именно таким, а не как одну точку. Всего вокруг нет, поскольку точка одна, но её варианты могут существовать одновременно, и этим можно управлять, а не полагаться на случайность Одновременности, спонтанную недисциплинированную рекуррентность. Какие варианты будут одновременными, а какие нет, подвластно решать, как мы думали. Управлять этим должен, уже скорее «был», Regular. Крепость, в которой решают моральный вопрос, кому и чему вместе быть, где и когда. Здесь поддерживают жизнь на всех уровнях, всё существует во всех вариантах, видах и уровнях себя.

В этих камерах, как в клетках, заперты и существуют по кругу миры. Войти в любой мир, оказаться в нём можно только через вокзал. Воланы прибывают в город, унося и доставляя с собой пассажиров из любого «сейчас» в любое «здесь». Города имеют разные форматы, находятся на разных уровнях, экстентах, поэтому необходима трансформация. Приведение в соответствие с пунктом выбранного назначения происходит в пути, для этого в общем и нужен Волан.

В Regularе за Вохами наблюдают через мониторы, которые подвешены у дверей. Пройти сквозь дверь могут только Argusy Regulara и посетители, которых всегда

полно, но такое перемещение не позволит ни входящим в камеру, ни его обитателям воспринимать без препятствий друг друга. Все обитатели Воха будут невосприимчивы к вам, вас не существует для них, нет в перечне мира, у вас другой, отличный от них, формат.

Tagel.

Воланы постоянно прибывают в Парагон и отправляются в разные города. Единственная возможность перемещения по разным частям мира с необходимыми изменениями из одного формата в другой. В зависимости от перегона, Воланы трансформируются, и выглядят иначе на каждом перегоне, прибывая в Tagel соответствующего уровня, Fasisa, они каждый раз выглядят иначе, в каждом городе по-своему. Здесь, в Парагоне, все Воланы возвращаются в свой прежний шестимерный вид, трансформируя на пути обратно и себя, и своих пассажиров в знакомый 6D.

Дежурный сидел за монитором, как неожиданно заметил какие-то помехи на перегоне Нибл. Он вышел осмотреть ангары, но не обнаружил Волан, который должен был вернуться из Нибла. Станным показалось то, что в Нибле его уже не было. Дежурный сверил расписание. Волан должен был находиться в Парагоне. Он тут же связался с Tagelem Нибла. Связь была слабой,

обрывистой, к тому же шла с запозданием.

— Нибл, запрашивает Парагон.

Дежурный пытался разглядеть перегон.

— Нибл... На связи... Парагон, что случилось?

— У нас проблемы на перегоне Нибл...

Дежурный не смог найти Волан как ни пытался, он даже заглянул на другие перегоны.

— Какие проблемы? У нас всё в порядке...

— Волан 1-680 не прибыл в Парагон. Ангар пуст.

Дежурный стал проверять все Воланы Парагона подряд, и вскоре обнаружил исчезновение других Воланов.

— Парагон, это Нибл... Волан 1-680 отправился в Парагон...

Нибл продолжал что-то говорить, в то время как дежурный на всех своих ста двадцати ногах бежал к начальнику станции.

Вадук, главный по Tagelю, стоял перед картой, на которой были обозначены разные города и перегоны. Дежурного было слышно до того, как он весь целиком вбежал.

— Мы потеряли Воланы, — он едва дышал, но продолжал повторять, — Воланы утрачены... Как минимум семь.

Вадук обернулся.

— Куда?

Парагон. Десигнат.

В кабинет Главного вошёл Кнут.

— У нас проблемы с Вохами, уверен, ты уже в курсе.

Кнут отошёл от мониторов и устроился в кресле. Главный внимательно смотрел на мониторы и списки. Объекты, которые должны были находиться в своих Вохах, внезапно куда-то исчезли, растворились, пропали в никуда. Кнут встал и включил монитор Вохы номер тридцать один. На экране появился Профессор.

— Он просто вышел из Вохы. Сам.

Главный пытался отследить связь Вохов, из которых утратились объекты, с другими Вохами. Воланы постоянно перемещали разные объекты по городам. А в *Regulare* достаточно было изменить несколько значений в компендиуме, переставить знаки в списках, без *Tagela* и путешествий, чтобы переместить объект из одного мира в другой за миг.

Вовремя появился Вадук. Главный искал следы потерянных объектов, но не мог. В то время он проверял Вохы. Вадук подошёл к экрану и включил двадцать один перегон.

— Мы потеряли эти Воланы. Двадцать один.

Все подошли к экрану.

— Их нигде нет.

На экране сиял Парагон. Вспышки от взрывного движения такого большого количества Воланов, которые прибывали в город и покидали его, напоминали сияние огромной яркой звезды, которая начала остывать. Вадук открыл карту путей, на ней были отмечены все перегоны, которые есть и до последнего открыты.

— Здесь, — он указал на несколько перегонов, — у нас проблемы. Эти перегоны будут закрыты, мы не сможем ими пользоваться, пока не будут найдены Воланы, пропавшие именно на этих путях.

Убегать быстрее, чем догонять, хотя бы потому, что первые знают, куда и зачем хотят.

Вот это последнее и не давало покоя присутствующим в тесном кабинете Десигната. В камерах Regulara, в мирах и городах, которые находились за герметичными

дверьми Вохов жизнь не останавливается и не начинается без разрешения Десигната, всё контролируется и управляется им, только Десигнат принимает все решения, определяющие жизнь Вохов, от начала мира и до его приостановки, прекращения и изменения объектов внутри. Жизнь, активность любого объекта, определена перечнем актов, Списком, который висит на стене перед входом в Вох, как только сеанс заканчивается, всё повторяется с нуля, жизнь в каждом мире исполняется вновь и вновь с начала до утверждённого конца. В некоторых камерах жизнь не меняется, всё повторяется в очередной раз. Вох четыреста один. Рекордный сто двадцать пятый повтор. Этот мир не увидит другого развития, его компендиум решили не изменять.

Сейчас в кабинете собрались все. Такое совещание не к добру, хотя в данном случае, к безысходному, очевидному, одному, к финалу. Это всё, с чем нас оставила Корпорация Смерть. Мы ничего не хотели, просто жили. Всё решили за нас, как в общем-то это всегда и происходит. Эпоха Солнца закончилась. Осталось это принять.

Монстр Кей рассматривал Моров.

— Скоро мы все превратимся в них, если ничего не решать.

Главный как ни пытался не мог обнаружить привлекательности нового вида. Бывает же такое. Как правило, бывает именно так. Это называется игра. Не всегда можно всё просчитать. Только просчитаться. Думать сложно за одного, за себя, а предвидеть поступки другого это просто фантастика. Есть такие противники, с которыми лучше не играть.

Монстр Кей был как обычно спокоен. А чего волноваться. Всё произошло. Поздно что-то менять. Не потерять бы оставшееся малое, и попытаться его сохранить.

— Мы хотели контролировать материю, управлять Paraaxом, она решила его прекратить и избавиться от нас. Впереди настоящая, но нематериальная жизнь, без Paraaxа, мир из одной точки и новый вид, Моря.

Главный не хотел превращать себя в Мора. В этой комнате никто не хотел. Быть как все, ничего не решать, всё общее, ничего своего, это значит, чужое всё, и отсутствие самого ценного, себя.

Монстр Кей имел план, вот только Главный никак не мог его принять.

— Моря переделывают нас, прекращают все миры и перемальвают, новая материя разъедает нас. Пора

сворачивать те миры, которые уцелели, прекращать Parallax, и всех, кого успеем сохранить, отправлять в Колонии Skylights. У нас три платформы Abaddon. Ещё остались миры, нетронутые Мором. Мы можем их спасти, переселим в искусственный Parallax. Выбора нет. Тебе нужно разворачивать Skylight здесь, прямо сейчас. У нас остались исходные модули, они получают жизнь в Колониях, за пределами Настоящего Мира. В любом случае этот мир ждёт Затмение. Точка сама прекращает Parallax и когда она это сделает, мы будем Морами, и уже не вспомним себя, не вспомним и не захотим ничего.

Главный не успевал возвращаться в себя. Выходил слишком часто и быстро.

— Что значит Затмение? Henot не справляется? Ты предлагаешь прекратить, уничтожить весь Настоящий Мир до последней точки?

Мимо смотрел на экран.

— А ты чего ждал? Точки выключаются.

Познакомимся. Мимо. Департамент Места. Он был везде, и Департамент Места, и разумеется Мимо, в каждом городе, свой Registr, архив, списки и перечни всего, судьба и жизнь каждого, всё это Мимо.

— Моры повсюду. Мы не успеваем закрывать Registry.

Если ты не свернёшь оставшиеся миры, мы потеряем их исходные модули. И с чем ты останешься в Колониях? Надо всех переселять. Я потерял уже много себя. Для меня это небольшая проблема. Все Мимо одинаковы, а вот сколько Главных осталось от тебя? Хочешь превратиться в Мора? Включай Skylight, он добьёт весь Настоящий Мир. Его и так уже нет.

Главный любил подождать. На всякий случай, вдруг всё решится само, без него. Жизнь не ждёт. Очевидно, он об этом не знал, но по каким-то причинам часто задавал нужные вопросы.

— А где Профессор? Что значит, он ушёл сам? Куда и зачем?

Мимо знал всё про всех. Работа такая. Департамент Места. Жизни, списки каждого, знать, ведь большинство было составлено именно им. Найти место всему, своё, найти мечту любого. Работа Мимо. Понятное дело, были промахи, но из всего количества событий и актов раздать каждому свои не очень легко. Мимо знал Профессора. Список категории А. Это значит список открыт, это значит события не определены, и объект сам выбирает свою жизнь. Вот так. AList.

— Сейчас он может быть где угодно, пока он не совершит акт, мы не знаем, что с ним будет происходить,

а значит мы можем найти его только вчера, но как ты понимаешь, там его уже нет. Он самый умный. Таких сложно искать.

Главный недолюбливал Профессора, прежде всего за его эгоизм, то есть ум. В команде нельзя тянуть всё на себя, такое не понравится всем. Если ты самый умный, учишься это скрывать, не надо считать себя выше других, рано или поздно отомстят. Удивительный факт, люди не умеют терпеть и прощать, особенно когда их заставляют свою исключительность забывать и терять. Вот такой он, Профессор, безобидный старикашка, самый умный, натворил дел и... Где теперь его искать?

Главный кричал на всех. Говорят, это помогает. Крик. С ним выходит что-то наружу из внутри. Главный поорал и продолжил раздавать то ли команды, то ли вопросы.

— Ты Департамент Места! Так найди его! Пусть расскажет нам, что тут происходит! Я вот хотел бы знать, как материя, которую он называл «Ничто», перехитрила нас и додумалась переделать всё!

Мимо будто не участвовал в разговоре. Его редко волновало что или кто. Профессиональный навык. Одинаково безразлично чужое всё.

— А ты чё ждал от него? Его ищут все, особенно Моры.

Он же самый умный. Конкретно его уже нигде нет. Он везде. Разбросал и раздал себя буквально повсюду. Кого ни найдём, пустой, вроде Профессор, но не наш, или не тот «он». Словом, Профессора стало много, всех сразу не соберёшь.

Главный недолго подумал.

— А если пустим Ruptor без Noty и найдём его, всего, соберём, или удалим, как объект?

отвлечёмся. Nota это список жизни, включение и выключение точек, план, по которому строится жизнь. Noty можно изменить только через три дня. Запоздание вынужденное. Слишком сложная система, много точек, пока всё загрузится и пропишется. Долго объяснять. Примем как факт. Удалить Профессора прямо сейчас из контента нельзя. Можно только в новой Note его не создавать. Текущую Noty настолько существенно изменить не получится. AList. Чтобы избавиться от Профессора, придётся ждать три дня или пустить мир без Noty на эти три дня. Мало ли что он успеет до творить за это время. Профессор. Это же всё его вина.

Даже Кнут удивился.

— Удалить Профессора? Мир без плана на три дня?

Все смотрели на Главного. Есть такой взгляд, которым

выражают восторг, восхищение, тебя уважают, ты авторитет. Этот был не такой. Главный против Профессора. Это даже не бой. Пусть Главный сначала поймёт, что его мира больше нет.

Мимо может и не понимал, что Профессор будет делать дальше, что задумал, но хорошо знал всё, что было уже сделано, кем и когда.

— С чего ты решил, что материя изменилась сама? Она на такое не способна. Ты переоцениваешь Ничто. Придумать подобное мог только Профессор. Он хотел освободиться от материи, а не просто контролировать её. И вот его выбор, или шедевр. Мир без материи, хоть и из одной точки. Но я видел Приор, по мне так неплох.

Главный побледнел. Выходит, всё это время все они знали про неизбежный конец, или даже сами придумали его. Главный подошёл к Мимо.

— Приор?

Сложно сказать, то ли Главный недослышал, то ли недопонял, тормознул. К чему вопрос? Мимо продолжал спокойно.

— Я думал, ты знал. Мир из одной точки, Настоящий, нематериальный, Приор. До мир. До материи или доделанный.

Монстр Кей долго стоял в стороне.

— Мы не знали, никто не знал сразу. Теперь это очевидно. Материя не смогла бы измениться так сама, возможно, эволюция произошла бы, но не так быстро. Как думаешь, почему он ничего никому из нас не сказал? Каждый должен сделать свой выбор сам.

Главный смотрел на Приор. О такой жизни никто не мечтал, но это нормально. Мы цепляемся за привычное, считая это своим, нам сложно выбраться за пределы себя, того что имеешь, что дали, и захотеть или предположить другую жизнь. Она может быть лучше в итоге, но до этого «потом» эту новую жизнь сначала надо принять и начать жить. Монстр Кей включил Колонии.

— Выбор есть. Моры или Хромы. Материальная или нематериальная жизнь. Каждый выберет сам. Но для этого нужно дать всем нам возможность этот выбор иметь. Приор уже здесь, мы должны сохранить исходные модули для Колоний, иначе Abadony нечего будет разворачивать, и материальная жизнь останется пустой. Ты потом решишь, кем хочешь быть. Сейчас нам нужны исходные модули. Мы должны свернуть все оставшиеся миры.

Не пришлось долго ждать. Главный сразу принял решение.

— Разворачивайте Skylight, где успеете. Прекращаем настоящий Parallax. Сворачивайте все миры. Переселяемся в Колонию. Готовимся к последнему дню.

ADAY. Кто бы думал, что такое может и вправду с нами произойти. Этот план долго лежал и ждал. Время этого мира подошло к концу, а значит, и наше вместе с ним.

К отправлению из Парагона готовились Воланы. Они заполнялись объектами, которые будут разобраны на безликие плоские 1-5D, разбросаны по разным городам, и неизвестно, когда смогут найти прежних себя, и будут ли воссозданы в виде, который решили прервать, или, что вероятнее всего, уже никогда не станут опять этими собой. Все они изучали свои новые списки. Кого-то поделили на три, кого-то на четыре себя, они знали, что будет там, впереди, и то, что это последние эпизоды их жизни.

— У меня восемь списков. Мне нужно во все выходы идти?

Те, кто услышал, тотчас же обернулись.

— Восемь?!

Такое бывает редко, чтобы кого-то распылили на восемь себя. Кто-то начал осматривать все его списки, кто-то подсказывал, где находятся выходы, все с пониманием

смотрели на него.

Он направился к восьми выходам. Сел в восемь Воланов. Пока ещё это был он. Воланы тронулись, и трансформация началась. Он прибыл в разные города по частям, которые никогда уже не вспомнят друг друга.

Профессор никогда прежде не покидал свой Вох. Он всегда находился в своём Вундском Лесу. Однако время пришло. Профессор хотел попрощаться с Настоящим Миром. Он вышел из камеры, в которой находился всю свою долгую жизнь. Его часто теряли, долго не могли найти, сам он давно уже предал себя и старался быстрее забыть. Всё это время он лишь делал вид, что всё ещё присутствует здесь. Решение, выбор он откладывал на потом, хоть и знал, какой будет конец у всего. История молча ждала, когда он скажет об этом всем.

Профессор не сравнивал варианты, медленно и постепенно он перетекал в тот, который предпочёл давно. Он худел, истощался, прощаясь с собой, с формой, которую выбрал оставить, отламывая себя на куски, по частям. Наблюдая за миром, он хотел его изменить, но сделать это оказалось нелегко. Особенно уничтожить. Мир без материи. Каким будет всё? Профессор разделялся ещё и ещё, на много маленьких и незаметных «я», каждое из которых таяло и исчезало, пока он шёл в

разные стороны, во все города. Он распылял себя живого по всему миру, как пепел умерших развеивают по их любимым местам.

Восемь Профессоров вышли на разных станциях и отправились все, куда глаза глядят, оставляя себя где-то там, вдалеке, в воздухе, в разных объектах, оседая частичками смысла во всём и везде. Несколько Профессоров всё ещё оставались, с каждым вздохом выцветая в себе.

Диспетчер застал Главного неподвижным и каменным. Он стоял будто статуя и отсутствующим взглядом смотрел в никуда. Диспетчер подошёл ближе и встал прямо перед глазами начальника, но Главный не отвечал. Он продолжал молча стоять и отсутствовал здесь. Главный оставил себя в кабинете, в то время как пошёл прогуляться по городу. Его восприятие было истощено, поэтому тот, кто остался в его кабинете, не делал совсем ничего.

Главный давно не стоял на свободе. Он вздохнул воздух страсти, которая быстро наполнила его, и пошёл во все стороны. Парагон позволял разворачивать и сворачивать любой вариант, любое количество вариантов из одного и обратно в один. Главный распускался в сомнениях и собирал себя в одного, наслаждаясь стихией

возможностей. Он быстро увлёкся почти забытой им обратимостью. Главный постоянно выбирал варианты себя «до» и пробовал вновь что-то впервые. В Парагоне можно узнать и услышать, попробовать и увидеть что-то, а потом выбрать себя до того, как это произошло. Здесь всё обратимо. Это место не знает границ, пределов здесь нет. Сложнее всё помнить, чем потерять и забыть.

Диспетчер включил мониторы и начал доклад.

— Vox 74, 38, 63... Объекты непредусмотренных форматов. Замечено расширение диапазона восприятия.

Главный стоял у Аллеи, ведущей к Галерее Видов. Она включала самые красивые виды, самые экзотические, необычные, исключительные, интересные, отобранные со всех частей мира. Главный чувствовал, как собирается весь в одного. К нему постоянно добавлялись эмоции, чувства, мысли, воспоминания. Он рос где-то внутри, обрастая собой. Главный вернулся в кабинетный вариант и посмотрел на экран. Диспетчер продолжал переключать изображения и сообщал.

— Мы обнаружили объекты... необычный расширенный диапазон... Они воспринимают не только свой Vox, но и другие.

Главный его остановил.

— Есть те, кто видит и находится сразу в нескольких мирах?

Он внимательно осмотрел все списки, но те не изменились, в то время как на экране были отчётливо заметны объекты, которые буквально просачивались из своего Воха по всем остальным. Они находились везде. Их видели, слышали в других мирах.

Вадук наблюдал за вокзалом Парагона с диспетчерской вышки. Пути, Воланы, ангары, табло, пассажиры. Всё выглядело уставшим. Табло Tagelя мелькали, никто толком ничего не понимал. Вадук беспомощно смотрел на экран. Все расписания были нарушены. Диспетчер отказывал Воланам, которые запрашивали разрешение на прибытие в Парагон.

— Воланы идут вне расписания. Мы не сможем принять их.

Кнопки то гасли, то загорались, сигналили, будто Новый Год уже начался, и кто-то подключил все гирлянды города к мониторам вокзала. Экраны пестрили, все носились от выхода к выходу, всё встало с ног на голову, и ждало указаний.

— Мы нашли Волан... Четырнадцатый... Он в ангаре.

В комнату вбежал человек, который был ужасно

напуган.

— Закрывайте вокзал!

Вадук отправился с ним. В ангарах стояли Воланы, которые были утрачены.

— Кто на них прибыл? Откуда они?

Всех ужасало одно. Как эти Воланы выглядели. Технический персонал обходил Воланы со всех сторон, и никто не мог разобрать буквы ни на одном.

Обычно Воланы, стоящие в Парагоне, имеют чёткие надписи «Парагон». Эти Воланы имели какие-то буквы, не все, от названий городов, очевидно тех, из которых они прибыли в Парагон. Так Воланы выглядят там, когда они ещё там или в пути. Здесь Воланы выглядят по-другому. Внешний вид Волана это не просто стиль, не просто красивая форма, это его формат. И эти Воланы не были шестимерны.

— Этот из Нибла, судя по буквам «И» и «Л», этот из Оризона, вероятно.

Воланы, обнаруженные в ангарах, 14, 18, 20 и 31 не трансформировались в пути. Они оставались двушками, трёшками и четырёхмерными. Но как такое могло произойти?

— Осмотреть все ангары!

Вадук отправился в Десигнат. Он уже подходил к зданию Regulara, как послышались звуки, предвещающие конец конца. Argусы собирались в кугели, Главный стоял на площади у ворот, собирая отряды, когда Вадук нашёл его.

— Моры подходят к Пределу Феникса. Ты поэтому здесь?

Вадук хотел указаний, но понял сразу, сейчас как-то не до него.

— У нас проблемы с форматом.

Главный был как обычно, недоволен и зол. На то он и Главный, чтобы злиться и злить. Иначе от подчинённых не получишь результат, не тот, конечно, получишь, а тот, что нужен, без истерики с двух сторон, точно нет.

— Ты хотел сказать, мы непонятно где?

Главный отправился с Argусами осматривать Парагон. Вадук возвращался к себе, на вокзал. Он шёл медленно, неожиданно пришла новость из Tagelя. Диспетчер обрадовался, когда Вадук вошёл в комнату.

— Воланы F4 Калами, F5 Одал в ожидании прибытия.

Вадук наклонился к монитору.

— Откуда этот Волан?

Диспетчер запросил Волан, но ответа не последовало.

— Не вижу... Три буквы.

Они стали рассматривать буквы.

— Их всё больше.

Диспетчер отодвинулся от монитора.

— Fasis 0... Небытие...

Он ещё попробовал нажимать какие-то кнопки и клавиши, но все уже выбежали из комнаты. На полосу рухнул Волан. Все подбежали к нему.

Зона 2. Fasis 3.

— Центр, Шторм 1...

Центр молчал... С той стороны была тишина.

— Парагон!

Шторм запросил Центр ещё несколько раз. Вся команда расположилась в небольшом здании Registra. Это архив, по сути, регистрационное бюро. Здесь хранились исходные модули данного мира, карты и формулы всего.

Registry занимались выдачей, отменой и заменой карт внутри каждого отдельного мира, присваивали место и освобождали от него. По всему зданию были разбросаны бумаги, система учёта выведена из строя. Шторм ничего не нашёл. Все архивы были пусты.

— Исходные модули отсутствуют. Силы Света опередили нас.

Шторм 1 проверил содержимое резерва, но так ничего и не нашёл. Капитан подошёл к окну и осмотрел город. К тому моменту вокзал Парагона был уже закрыт, Шторм узнали об этом, лишь когда не обнаружили свой Волан.

— Будем уходить через аварийный выход.

Этот выход открывал путь в тоннель, который связывал все города. Дверь, ведущая в Regular. Они быстро нашли нужный вход. Дверь оказалась открытой. Они зашли в тоннель, и закрыли вход за собой.

Длинный узкий коридор напоминал квадратную извилистую трубу. На стенах висели указатели, описывающие маршруты городов. Этот лабиринт как кровеносная система позволял перейти в любую часть любого места, имеющегося на карте всех городов. Это выход и вход из любого мира в любой с необходимым изменением формата. В тоннеле всё существовало в

формате 6D. Арка выхода меняла формат с любого на шестой при входе в тоннель, с шестого на нужный при выходе из него. Тоннель неотъемлемая закрытая часть Парагона.

Они шли уже долго. Впереди слышались голоса. Кто-то ковырялся у люка. Шторм 1 осторожно продолжил свой ход, в то время как остальные остановились чуть раньше. Срах пытался открыть дверь из тоннеля, у него никак не получалось.

— Skies, — громко прочитал надпись над выходом Шторм 1.

Срах обернулся.

— Я оставил для вашей команды выход открытым.

Срах смотрел на Шторма.

— Здесь не все. Ты ещё не собрался весь?

Шторм 1 подозвал остальных, и они с усилием открыли заевший люк. С другой стороны кто-то был. Когда он вошёл в тоннель, все узнали Профессора. Он похлопал Сраха по плечу.

— Все Registry и вокзалы закрыты.

Шторм 1 стремительным шагом направился вперёд.

Всем не терпелось вернуться в Парагон. Неизвестность только подгоняла их. Пока они шли, тоннель разваливался, стены складывались, погас свет. Они торопились выбраться из ловушки.

Срахы почти все одновременно прибыли из разных городов в Парагон. Каждый Срах был занят чем-то своим. Они быстро разбежались по всему Panopticony, но Argусы Regulara не обращали внимания ни на одного Сраха никогда. Срахов пробовали ловить, но поймать не удалось никому. Срахы ускользали в Вохах и пропадали в них. Они переделывали миры, сворачивая в каждом Вохе объекты, определённые компендиумом, и разворачивая другие, свои. Так Regular потерял все Вохы и не смог контролировать их содержание, в то время как Вохы заполнялись и сливались в один. В каждом Вохе вылезали объекты из других камер, постепенно все оказались в одном месте.

Вохы открылись, и Парагон наполнялся новыми пунктами назначения. Десигнат утратил контроль одновременности. Все миры существуют, все они развёрнуты, но не в одном месте сразу, а теперь можно отправиться в совершенно любой.

Десигнат.

— Одновременность достигнута, — повторял вновь и

вновь Henot.

Главный постучал пальцем по панели Henota. Кнут стоял перед картой, на которой был развёрнут весь мир.

— Теперь всё существует одновременно. Всё развёрнуто. Мы не можем ничего свернуть или развернуть. Разворачивать нечего. Henot наконец всё развернул! Одновременность достигнута!

Они стояли перед картой Галереи Видов. Отдельные точки, акты всегда были связаны между собой в отдельные цепи разных форматов. Теперь связи потухали между актами, линии постепенно исчезали. Больше ничего не обуславливало путь и вид, которым наслаждался ты. Всё вокруг превращалось в один сплошной ком, место начала и конца, где можно потерять и обрести всё.

Мимо закрывал все архивы, Registry в уцелевших от Моров городах. Все дела и компендиумы были удалены. Сотрудники всех подразделений Департамента Места удаляли все записи, будто всех и всего не было никогда. Registry перестали выдавать разрешения. Теперь разрешения не были никому нужны.

Мимо никогда не занимал чью-то сторону. Он был везде, на каждой и любой стороне, потому что именно он

как никто знал всё обо всех. Он не просто знал каждого, он всеми был. Был за всех. Наверное, потому что сам он не знал, где именно ему быть. Он был нужен всем. Он хотел быть везде. Какой мир выбрал Мимо? Оба. Жаль, что их всего два, Мимо выбрал бы все.

Все сбежались на полосу и рассматривали Волан. Усилия по сдерживанию вокзала оказались напрасны. Не успели все осмотреться, как Воланов стало появляться всё больше. Все из Небытия. Fasis 0. Приор. Как первый снег, они падали на полосы где попало. И всё валили, валили и валили с небес.

Симпатия держала игрушку в руке, крепко сжимая куклу. Профессор улыбнулся.

— Мы уничтожили весь наш мир, чтобы выбраться из него. Ничего этого мы больше не хотим.

Они шли сквозь тонкий слой пыли, в который превращался мир. Симпатия грустно смотрела на Профессора.

— Ты ведь не он. Для чего это всё?

Все Вохы открылись. Объекты стали выходить из камер. По всему Regulary раздалась аварийная тревога. Argusy не долго могли сдерживать напоры с камер. Двери распахнулись и объекты хлынули, заполнив собой

все коридоры и лестницы Regulara. Все они покидали свои прежние миры и открывали для себя Парагон. Кто-то вспоминал себя сразу, другим требовалось больше усилий, деталей, которые напоминали о жизни, бывшей когда-то у всех. Груз воспоминаний о прошлом, все пройденные и забытые варианты жизни, всё, что было когда-то, вернулось к ним. По городу расхаживали объекты разных форматов.

— В каком мы вообще находимся мире? И как мы свернём теперь все миры?

Главный хватался за голову, но наконец остановился и сел. Он наблюдал за тем, как растягивался диапазон Парагона. Молча сидел и ждал.

У Tagеля возникла толчея и давка. Пост затоптали и снесли. Из Приора прибывали Моры. Главный разочарованно смотрел на Парагон, в то время как сердце его ещё полыхало. Он чувствовал себя каким-то странным собой.

Началось внезапное, стихийное, массовое движение, перемещение, которое напоминало побег. Все стремились сбежать в точку ноль. Приор. Лекарство от всех проблем. Настоящий откат. Весь мир рассеивался и уплывал.

Ненастоящая жизнь, какой бы красивой и

многообещающей она ни была, пугала всех, почти всех. Реклама Колоний не помогала убедить народ. Перспективы пугали. Мы хотели свободу в жизни, а не от неё. Domino Energies многое обещала. Колонии, Синтетические, в которых возможно всё. Кто поверит в такое? Выбор дело непростое, мало кто предпочитает ненастоящую жизнь.

Все устремились в Приор. Воланы увозили один за другим в конец мира, пути. Будто всеми овладело что-то, страх, паника, Мор.

Главный ощущал, как разлетается на куски.

— Всё идёт не по плану! Кому нужна нематериальная жизнь! Что настоящего они нашли в ней?!

Внутри Главного спорили разные «он». Главный впервые услышал себя, несогласного с самим же собой, и оказался на той, другой, но всё ещё своей стороне. Он задумался, возможно Профессор был прав, нам не нужна материя, свобода в том, чтобы отказаться от неё, от материи. Главный тут же отбросил в сторону эти мысли, это не он, это кто-то другой, прячется в его голове. Он изучал Последний День.

Кнут открыл план разворота щитов Skylighta.

— И всё-таки у нас ещё осталось время. Мачты Skylighta

установлены не везде. Если поторопимся, успеем развернуть его щиты. У нас мало Колоний, нам нужны исходные модули вот этих миров. Моры не добрались до них.

По всему Настоящему Миру были развёрнуты щиты Skylighta. В этих местах уже не было ни Аморфов, ни Моров. Здесь жили Хромы. Таких мест было немного, но они появлялись день за днём. Мачты Skylighta устанавливались повсюду, куда Моры не успели дойти. Миры сворачивались в шары LunuLov и отправлялись в Колонии Skylights, за пределы пространства и времени. Три Casus Платформы Abadon разворачивали эти миры, каждый в своей Колонии. Prodromы уносили из Настоящего Мира желающих посмотреть на игрушечную, ненастоящую жизнь. Многие оставались. Эти миры, Синтетические, не отличались от настоящих и не могли. Parallax это ЭХО.

Платформа Abadon создавала иллюзию не больше и не меньше, чем настоящий Parallax, но кого-то пугала идея, вероятно тем, что она нова. Ко всему нужно время привыкнуть и его всегда нет, поэтому мы часто не хотим выбирать менять жизнь настолько, что придётся переделывать и себя. Мы так долго верили в ненастоящее как несуществующее, что ненастоящая материя это

получается та, которой нет. Звучит как конец жизни, а не жизнь, в которой возможно всё.

В Настоящем Мире было немало Хромов. Они жили среди настоящих Аморфов и людей.

Убедить проще силой. Главный смотрел на количество миров, захваченных Мором.

— Не хотят добровольно, принудим всех.

Так началось переселение против воли. Теперь нас не спрашивали с двух сторон. Делили как приз, или, скорее трофей.

Развернём Skylight прямо здесь, в Настоящем Мире. Зачем куда-то улетать? Отличная идея. Skylight. Это Тёмный Свет. Искусственный Paralax, ненастоящая материя. Щиты и мачты Skylighta превратят всё настоящее в как бы или почти, но это единственная возможность остаться собой, распоряжаться собой и не превратиться в Моров. Тёмный Свет вытесняет настоящий. Skylight прекращает настоящий Paralax, точка засыпает, её ЭХО создаёт не она. Щиты имеют относительно небольшой радиус действия, но внутри этого пространства способны существовать только Хромы.

Eye Protection. Таких знаков стало появляться всё больше. Целые города. Аморфы и Моры даже близко не

подходят к подобным местам. Зашёл и пропал. Как и Колонии, они не отличаются от Настоящего Мира. С такой коробочкой эмиттера Skylight жизнь принадлежит вам, если сам эмиттер, конечно, в ваших руках. Вероятно, именно этим и пугает Тёмный Свет.

А что если эмиттеры попадут в руки тех, кто захочет с нами поиграть? Конечно попадут, конечно захочет, и не кто-то конкретный один, а сразу все, когда было иначе. Спички тоже вам не игрушка, сколько таких опасных вещей уже есть вокруг, жизнь без них не похожа на праздник, зато сколько ждёт всех нас веселья и приключений впереди. Стоит ли оно того? А какие остались варианты? Корабль «Мир» уже копает дно, закапывает себя в туманность Моров. Сложнее представить нематериальный мир внутри одной точки, где общая жизнь растворяет отдельное «я» и превращает всех в одну скученную массу.

Хотя поголовье в своём большинстве предпочло именно Приор, это потому что самый главный Мор (неожиданно, правда, у Моров тоже есть главный) всегда умел убеждать, знал кого и как, или чем. Профессор. Что он предложил им такое, что они отдали себя сразу всем? Приор, это же окровавленный лозунг «Пользуйтесь мной, я весь принадлежу вам» или «Мы все будем пользоваться

тобой».

Романтику порой сложно разглядеть с первого взгляда. Это потому что частенько она находится не с той стороны, а именно, она всегда находится только с одной, той, которая потребляет тебя как товар. Можно смело заменить «романтично» на «соблазнительно». Когда тебе такое говорят, романтично, берегись, тобой собираются насладиться, ты даришь удовольствие и, пожалуйста, продолжай.

Непонятно, что Профессор там в Приоре будет со всеми делать. Как вообще таким можно доверять?

Материя перестраивалась быстро. Точки меняли свой формат, из поношенного STRS, объектов с душой и сознанием, связностью, они приобретали формат Simplex. Связи исчезали, точки постепенно выключались, сливаясь в одну. Моры пережёвывали миры, и решение Тёмный Свет непопулярным уже не представлялось, потому Skylight разворачивали прямо здесь, ближе к народу.

Впрочем, многие не догадывались, что их уже превратили в Хромов. А зачем? Спрашивать мнение каждого, что-то потом или до объяснять, а если они испугаются, не поймут. В случае с ненастоящей материей не получится слова попроще подобрать. Разговор попросту не состоится. Не хотите, мы вас настоящего

прекратим и тут же заменим на ненастоящего, но вы разницу даже не заметите. Конечно, не замечу. А как, если вы меня прекратите?

То ли дело Приор. Рай или Ад разберёмся потом. Каждый получит своё по заслугам, или оправдаемся и договоримся, люди верят в себя, в добро или зло, бесконечно просты и наивны. Они долго верили в рай, и когда им предложили сразу всем вместе туда прокатиться, их было не удержать. Нематериальная жизнь, мы её доказали, нашли, и теперь приглашаем вас успеть занять свои места. Приор. Настоящая жизнь не должна быть материальной. Высший с точки зрения пропаганды пилотаж.

Другое дело Skylight. Мало того, что это материя, от неё все устали, этот мастхэв уже не в моде, так ещё и ненастоящая материя, по comment, как говорится, не получится убеждать.

Хромы ходили и жили среди обычных Аморфов, людей, и не все знали, кто есть Хром, оказаться им мог совершенно любой. Отличный ход. Демо версия возможностей Тёмного Света. Вот, посмотрите, попробуйте, видите сами, разницы нет, не надо бояться, подходим, разбираем новую жизнь, нам нужны все. Надо было сразу с этого начинать. Освобождение от

беспомощных и бесполезных тел.

Skylight это не просто нематериальная жизнь, это всё что угодно, абсолютное всё, главное, чтобы эмиттер находился в надёжных руках. Skylight буквально позволяет из точек искусственного ЭХО создавать любые картинку, строить любые последовательности, начинать жизнь, прекращать, и всё это без контура Поля. Все объекты Тёмного Света внутри себя не имеют связей между точками, они прирождённые пентамеры, могут рассыпаться, собираться, сложнее сказать, а что Хромы не могут.

Они сами рисуют себя. Не все сами конечно, кого-то рисуют за них, но мы говорим о возможностях, а не о том, как ими или их злоупотребляют или крадут.

Точек много. И каждая из них unit. В каждом unite разворачивается свой Невозможный Мир. Это и есть экстенд два. Невозможные Миры. Их столько, сколько точек. Борьба идёт за каждый unit, за каждый Невозможный Мир. Кому достанемся мы?

Unit 73. Тим только прибыл. Этот unit был свободен от Моров. Тим с лёгкостью нашёл знакомое здание НИИ. Его совсем недавно построили. Скучающая охрана на входе. Тим показал удостоверение КС. Здесь таких ещё не видели, но Тим имелся в списках тех, кого надо

езде пропускать и указание кого надо всенепременно выполнять.

Как и полагается, сразу же поползли слухи и разговоры по всему Невозможному Миру 73. На Тима приходили посмотреть. Кто он и откуда, какая это власть, никто не знал, что делало всех послушными и тихими, они боялись своего незнания, вообще всего.

Известно одно, есть какой-то приказ, выполнять все приказания КС и подчиняться, *none of your concern*.

Здание НИИ было переполнено поступающими. Персонал не имел представления что с ними делать, а случаи странного поведения превращались в норму и повседневную жизнь.

— Люди разговаривают сами с собой, испытывают сильные галлюцинации, акустические, оптические.

Доктор рассказал Тиму всё, что наблюдал. Тим сразу же попросил освободить для него кабинет.

— Мне нужны кабели, два источника энергии и ассистент.

Все столпились вокруг Тима в недоумении. Главный врач с любопытством начал осматривать небольшой

чемоданчик Тима, который был приоткрыт. В это время Тим подключил аппарат к батареям питания.

— Что вы собираетесь делать? – спросил Тима врач.

Тим остановился в своих действиях и повернулся к доктору, который чего-то не понимал и которому надо было что-то объяснить. Такие не отстанут с ненужными вопросами, пока им не придать направление, в котором их мозг мог бы потеряться легко. Тим внимательно смотрел на врача.

— Вы понимаете, что происходит с ними?

— Они сумасшедшие, — растерянно заявил тот, оглядываясь на всех остальных.

— Вы сомневаетесь в этом? Все вы не уверены, что понимаете происходящее сейчас?

Слова Тима звучали не просто убедительно, они били точно в цель. Тим посмотрел в сторону коридора, по которому бродили пациенты.

— Я вам объясню. Это невозможно будет вылечить. Они безумны, но лекарства от этого нет.

Доктор нахмурился и подошёл чуть ближе к чемоданчику Тима, заглядывая внутрь. Кто-то из персонала закрыл дверь в кабинет, где находились Тим,

главный доктор и ещё несколько человек.

— Что по-вашему испытывают они? Что их сводит с ума? Что находится внутри каждого и не даёт им нормально функционировать и жить?

— Их показатели в норме, мы надеялись, вы сможете нам объяснить.

— Если вы верите в душу, тогда мне именно её придётся сейчас в каждом из них убить.

Врач улыбнулся и немного расслабился. Он отошёл от Тима.

— Приводите по одному.

Тим включил аппарат, который поскрипывал, и разложил на столе какие-то непонятные штуки, что до этого из присутствующих в комнате не видел никто.

Тим обратился к доктору:

— Вы когда-нибудь видели душу?

— Нет, – растерянно заявил доктор.

— А она у вас есть?

В этот самый момент в комнату привели человека, который разговаривал с кем-то отсутствующим для

остальных вслух. Тим поставил его перед прибором и включил аппарат. Вопреки всем ожиданиям, ничего сверхъестественного так и не произошло. Тим смотрел на прибор. Человек спокойно стоял. За ними в ожидании магии наблюдали все. На панели управления аппаратом загорелась зелёная лампочка, тут же раздался непродолжительный звуковой сигнал.

— Следующий.

Тим что-то записывал. Персонал подхватил не в меру спокойного человека и вывел его в коридор.

— Что с ним делать теперь?

— А что вы делаете с теми, кто здоров? Мне нужно ещё как минимум пять человек.

Процедуру повторили ещё пять раз. Нового произошло ничего.

Тим не смотрел на доктора и продолжал казалось настраивать непонятный аппарат.

— Сколько у вас ещё таких?

Доктор схватился за журналы.

— Их привозят и привозят... Точно не скажешь... Но там весь город... То есть почти все...

По зданию НИИ ходили сотрудники КС. Они что-то монтировали и ставили знаки. По всему городу появилось незнакомое слово «Skylight».

Тим смотрел на прибор. Двадцать четыре процента.

— Что это значит? – спросил доктор.

— Лекарство от безумия существует одно. Нужно удалить душу. Красивое слово, вижу, оно вам понятнее и ближе. То, что находится внутри, именно это мешает нам.

— А что это?

Доктор отошёл в сторону, ощупывая себя.

— Прегние мы. Настоящие.

Все в комнате испытали конфуз и с непониманием уставились на Тима.

— Вы же понимаете, что такое беременность?

Доктор кивнул головой.

— Только это вид, который вырождается и погибает внутри нас.

Доктор начал о чём-то спорить, пытался что-то понять или наоборот объяснить.

— Возможно, но это вряд ли, вам повезёт, и вы

не столкнётесь больше с этим видом. Если же, хотя, наверное, правильно сказать, когда это произойдёт, всё, что вам нужно знать, как избавиться от него, от неё, от них, от настоящих нас.

На приборе появилось «71%». Тим повернулся к присутствующим.

— Это всего лишь Поле. Для вас ничего больше. Нет Поля, нет их, нет души, нет сознания, нет общего мира, который определяет вас. Теперь вы свободны от всех, и сами определяете себя.

К тому моменту какие-то люди разгружали из машин коробки и раздавали каждому встречному эмиттер, как говорили они. Через несколько дней Skylight на сто процентов покрывал весь unit 73.

Познакомимся. Сначала КС. Корпорация Syntax. В народе, Корпорация Смерть. Кому принадлежим все мы? Кто оплачивает чудеса? КС по всем мирам и экстендам повторяет свою структуру. Экстент 4, Парагон, КС здесь имеет вывеску «Десигнат». Экстент 2, Невозможные миры. Здесь КС возглавляет Тим, в каждом Невозможном Мире внутри отдельного unita. В некоторых unitax, как в этом, 73, филиала нет, но в любой момент из любого соседнего unita или сверху, из автономии Skies, да откуда угодно, любой представитель КС может появиться

из ниоткуда и осуществить любую власть. Экстент 3, Автономия Skies, самое горячее место в переделе мира. Здесь КС возглавляет Бобби, человек Монстра Кей, или Монстр Кей это Аморф Бобби. Преждевременное знакомство, но кто может Бобби удержать, он сам хотел представить себя. В разных мирах КС на разных сторонах, часть за Профессора, часть за Хромов, часть за Аморфов. Внизу, как обычно, неразбериха, возня.

Тим давно превратил себя в Хрома, ещё до того, как Главный решил разворачивать Skylight. Его убедил Бекас.

Бекас. Именно он с Профессором когда-то всё придумал и понял. Именно тогда, в самом первом НИИ и разошлись два создателя по разным углам. Профессор захотел прекратить Paralax. Материя это зло. Иллюзия развязала ему руки. Профессор сразу решил вернуть или создать Приор. Настоящий Мир без ЭХО, без материи, самый настоящий рай.

Бекас тоже открытию был рад. Только вот радовались они в разные стороны. Бекас не собирался освобождать весь мир и себя от материи. Он хотел её контролировать, управлять, создавать. И Paralax подарил сумасшедшие возможности, особенно, ненастоящий Paralax.

Контролировать настоящий Paralax всегда представлялось неинтересным и скучным, бесполезным

разбазариванием себя. Точка имеет память и пытается вырваться за пределы её желаний это значит до бесконечности делить мир с Профессором. Кому нужна такая борьба?

Профессор решил прекратить настоящий Parallax, его мечта Приор, и он не остановится на пути в рай. Пусть идёт, сказал однажды Бекас, я не стена, чтобы стоять на чьём-то пути и мешать. Всё-таки можно договориться. Бекас решил создать искусственный Parallax и создавать мир свободный, любой.

Хромом он стал сразу, на своего Аморфа даже не смотрел. Никогда не считал себя им. Хотел быть свободным от всех, и прежде всего от себя, навязанного, выданного, замурованного в приделанной голове, и освободить всех. Вот они с Тимом и освобождали Невозможные Миры, один за другим, разворачивая Skylight прямо здесь, пока Главный не делал ничего и смотрел, как Профессор и Бекас делят мир.

Каждый выбирает свою сторону сам. Хромы презирают безропотных и послушных Моров. Глупые, ленивые, безвольные существа, Моры.

Хромы презирают всех, кроме Хромов. Аморфы для них вообще слабый, вымирающий вид, вырождение, иначе не сказать.

И только Хромов боялись все. Как бы то ни было, это первый неестественный вид. Аморфы последний вид, естественный и материальный, Моры первый нематериальный естественный вид. Эволюция не приходит к нам больше сама, мы сами решаем, кем и чем быть.

Что настоящего в жизни, если она не зависит от нас? Это девиз Хромов.

У Аморфов девиза нет. Они уже поняли, что умрут.

Морам что-то пообещали. А... Вот что.... Ничего, ведь это нематериальная жизнь.

Парагон. Десигнат.

Разгромленный кабинет Главного.

Слон и Малышка. 3721. Control Corps. Аморфы, специальные, подготовленные, сама Смерть, как они называют себя. Отряд только вернулся с очередного задания. Сопровождение объектов из главного списка в город за пределами всего, в Zillion.

Zillion. Это Поверхность Пространства. Выйти из Настоящего Мира позволяет только Prodrome. Преодоление ЭХО эффекта буквально схлопывает всё и всех внутри Prodroma в точку, иначе невозможно покинуть

настоящий Parallax. Prodrôme выходит за пределы точки на её поверхность. Это и есть Zillion. Уже из него Воланы отправляются по Колониям, но самое первое место Ненастоящего Мира это город на границе миров. Он находится там, где всё уже почти есть, или ничего уже почти нет.

С одной стороны Zilliona находится «снаружи» Настоящего Мира и множество Колоний Skylights, с другой стороны располагается «внутри», Настоящий Мир и его экстенды. Сам Zillion удивительный, но скорее возможный мир, где заканчивается жизнь, и только начинаются мечты.

— В тоннеле обвалы. Tageli всех городов закрыты. Многие остались взаперти в своих мирах. Мы не сможем их спасти.

Мыс Тигра был виден практически отовсюду, но находился он в двух экстендах, в Автономии Skies, экстенд 3, и в Парагоне, экстенд 4. Proдромы уносили желающих за пределы пространства и времени и возвращали из ненастоящего мира домой всех, кто хотел. Мыс Тигра особое место. Площадка Proдромы. Ракет было много, они улетали и прилетали одна за другой. Попасть на Мыс Тигра становилось сложнее. Моры стояли стеной на всех путях.

Главный не видел решения этой проблемы.

— Prodigy отправляются полупустые. Придётся отдать всех, кто отрезан от Мыса, Морам. Их не достать.

Кнут вмешался в разговор.

— Нам нужны их исходные модули. Без них в Колониях мы будем в пустоту играть.

Повисла пауза, такая возникает всегда, когда нечего сказать. Главный смотрел на Слона. Тот всегда умел что-то предлагать.

— Чего молчишь, 3721. Есть у нас путь, о котором пора всем узнать? Уверен, не все оказались снаружи, получив разрешение прекратить настоящего себя.

Смысл в том, что говорил Главный, был. Это сейчас выгоняют всех подряд из настоящего дома, а недавно из него не выпускали просто так, пока не докажешь, что в Настоящем Мире будет только лучше без тебя.

Слон включил карту unitov. Если смотреть на экстенст 2, это бесконечное количество Невозможных Миров, и каждый из них находится внутри каждой точки. Экстенст 3 это мир и объекты из этих точек. Но если взглянуть между экстенстами 2 и 3, можно увидеть не объекты Автономии Skies и не внутренние невозможные миры unitov, а просто

точки, много unitov.

Из каждого unita, теоретически, можно выйти в Zillion. Поскольку точки все являются ЭХО, кроме одной, то и выйти в настоящий ненастоящий Zillion, на поверхность точки, можно только из настоящей точки. Из точки ЭХО можно выйти только в часть Zilliona, то есть остаться между экстендами, но, если Zillionы отражения собрать, шанс выйти в тот самый Zillion за пределами Настоящего Мира есть.

Чтобы из Невозможного Мира экстенда 2 попасть в экстент 3 можно использовать Skylift. Но если в точке, в unite, прекратить ЭХО, чтобы точка не вступала в связи с другими точками и в следующем экстенде не участвовала в создании объектов этого следующего экстенда, внутри точки не будет никакого Невозможного Мира, можно будет открыть Zillion этой точки, и уже из него попасть в Автономию через барьер Автоном. Словом, Zillionов сколько точек, можно открыть Zillion в каждой, и объединить их, чтобы получился тот самый запредельный Zillion. Казалось бы, сколько ни складывай нули, всё равно получится ноль. Но это не так. Ноль плюс ноль, это уже два ноль. Рано или поздно появится что-то из ничего. А откуда ещё? Всё возникает из пустоты, мы называем её так, только потому что ничего не знаем о ней.

Слон отошёл от карты unitov.

— Бобби уже открывает Zillionы.

Главный смотрел на unity.

— Нового ничего. Всё опять за моей спиной.

Он не определился в своём настроении. Как будто подвис, разглядывая точечный мир. Слон показал на точки, которые горели не выключаясь, в отличие от остальных, что постоянно то включались, то выключались.

— Эти unity освобождены. В них прекращён ЭХО Fasis, открыт Zillion. Исходные модули всех освобождённых unitov сейчас там.

Главный очнулся.

— Там? Новость отличная. Где там? Покажи.

Слон показал Zillion.

— Zillionы всех unitov объединяются вполне успешно, LunuLy находятся в нём, в этом Zillione.

Не сказать, что Главный был рад. Всё неплохо, вот только это не тот Zillion, что находится за пределами всего, этот почти Zillion где-то внутри Настоящего Мира, между экстенентами.

— И как нам дальше с этим быть? Развитие есть? Когда этот Zillion превратится в ненастоящий?

Автономия Skies была заполнена Морами.

— Мы готовим захват Автономии. LunuLy с исходными модулями скоро будут у нас.

Интересное слово «захват». Главный не сразу всё понял.

— Объяснишь про захват? Кого от кого?

Всё менялось так быстро, что Главный не успевал понимать.

Слон открыл списки.

— КС больше не принадлежит нам. Списки взломаны. Твой в первую очередь. Всё, что есть в твоей голове, весь твой список, не твой. Возможно, ты и сам стал это замечать. Мы не можем полагаться на списки. Освободить Автономию будем от КС. Это всё, что может сейчас сделать 3721. В планах не было тебя предупреждать. Сложно знать, кто на чьей стороне.

Главный спокойно вздохнул и сел в кресло.

— Да, что-то и вправду не так у меня в голове. Этот Профессор со своими Морами. И что теперь делать мне?

Кнут подготовил резервные списки сразу же после запуска Платформы Abaddon. На всякий случай, особенно на такой. Взлом.

Познакомимся. Кнут. Бюро Эйфорат. Отвечает за корректное исполнение списков, которые составляет Департамент Места. Список имеет любой объект. Это план его жизни, кто что должен сказать, не сказать, когда куда выйти, прийти. Никто не пропустит и мига выданного предписанного себя. Списки постоянно путаются и взламываются. Кому-то не нравятся его акты, и он хочет их потерять и отдать, кому-то нужны другие, но все останутся с тем, что выдал им Мимо. Кнут следит за каждым списком. Бюро Эйфорат.

— Резервные списки ограничены и просты. Я подключил их несколько актов назад. Ты долго делал вид, что не замечаешь Моров. Не хотел разворачивать Skylight. Пришлось тебя обновить. Сейчас у всех, кто стоит в категории А, резервный список. Это для каждого в целом план ADAY. Других приоритетов нет.

Главный задумался, но в его голове была пустота. Чёткая цель ADAY и желание всё как можно быстрее прекратить. Главный посмотрел на свой список. Актов было немного, он даже расстроился.

— Значит, справитесь без меня?

Кнут проверял списки.

— Ты ещё удивишься, как быстро в твоей голове опять соберётся всякий хлам. Тебя будут взламывать ещё много раз. Я буду обновлять твой список постоянно, но сделай одолжение, не мешай. Постарайся держаться от посторонних мыслей в стороне. Твой план ADAY. Остальное не я и не ты, а кто-то другой копается в твоей голове. Весь состав КС в Автономии готовит сдать нас Морам.

Главный смотрел в окно. Боремся против своих, со своими, такое сложно понять. Что за времена. Никому нельзя доверять.

— Наши проблемы не только Моры. Теперь мы захватываем сами себя. Всё это время мы помогали Морам, и сами не знали того. Как легко нами можно управлять. А сейчас, ты уверен, что не делаешь всё, что хотят Моры? Захватить Автономию Skies и устранить КС! Разве не этого хотят Моры? А ты, Кнут, возможно именно сейчас и делаешь всё, что они хотят.

Сомнения вполне разумны. Кнут не стал отвечать. Главный просто так всё это говорил, что ещё он мог сказать.

Слон и Малышка готовили 3721 к захвату Автономии

Skies.

— Только внешне там все свои.

Главный сидел и слушал план. Ему не было грустно, впервые ему было «всё равно». Это не усталость, он не был разочарован, ему было просто «всё равно». Кнут отлично поработал.

— Skylift использовать нельзя. Из Zillionов будем выходить в Автономию Skies через барьер Автоном. Другого способа перемещения так, чтобы об этом никто не узнал, нет. Как только LunuЛы с исходными модулями будут у нас, приступаем к плану ADAY.

Unit 12.

— Как только мы выйдем на поверхность, начнётся эффект деотражения. Ruptor отключит эту точку сразу же. Наша задача успеть преодолеть ЭХО и открыть Zillion.

Бобби смотрел на Henot. Spax ковырялся с картой Zillions.

— Мы это делаем уже не в первый раз, не обязательно считать этот unit особенным. Всего лишь очередная крошечная часть. И где Профессор?

Профессор попал в Zillion через девятый мост. Он с трудом отыскал здание DreamControl. Выглядело оно

вполне узнаваемым, но теперь приобрело некоторый угрожающий, даже отсутствующий вид.

Срах волновался.

— Сколько точек осталось?

Бобби следил за ЭХО.

— Они постепенно исчезают, объекты тают буквально на глазах. Скоро за мостами не останется ничего.

Всё напоминало себя в Zillione лишь отдалённо, намёками, подсказками, приходилось постоянно ошибаться, отыскивая нужное, упираться в стены там, где их быть не должно, сталкиваться с незнакомцами, и узнавать в них лишь время спустя того, кого ты искал. Со всеми предстояло познакомиться заново. Профессор бродил по зданию. В коридорах было прохладно и тихо. Здесь всё менялось, стоило едва мыслью коснуться упоминания о самом объекте, как он выплывал и висел прямо перед тобой. Воспоминания Профессора оказались смазанными и потускневшими, потому все образы растекались, от чего пространство казалось слегка запотевшим от напряжения и уставшим от суеты.

— Ты нас нашёл! Как видишь, здесь никого не осталось.

Бобби отошёл в сторону, Профессор смог отчётливо

разглядеть экран.

— А где остальные?

Бобби показал ему картинку мира за мостами, где объекты выветривались и таяли, исчезали по точкам, будто их и не было никогда.

— Вся эта иллюзия совсем скоро растает, как только мы уберём ЭХО. И от этого мира останется одна точка. Всё там превратится в воспоминания о себе. Хотя мир ещё содрогается и существует. Деотражение ЭХО изменит наше отношение к тому, чего нет. Все эти объекты, порождения ЭХО, исчезнут, не оставив следа.

Профессор подошёл к Бобби и ощупал его.

— И всё же это иллюзия. Посмотри на корку.

Бобби показал изображение размягчающейся коры, покрывающей точку.

— Кора превращается в слик. Местами она уже вдавлена вглубь. Точка почти избавилась от корки, которая приводила внутри к эффекту ЭХО, создавая иллюзию множества точек и объектов из них. Снаружи этот unit был связан с другими unitами, что приводило к необходимости иметь корку. Мы смогли выйти из связей. И как видишь, корка исчезает, а вместе с ней и весь мир

внутри. Хочешь взглянуть между экстенентами?

Профессор кивнул головой и тут же отошёл в другой конец комнаты.

— Только на миг, ты будешь оставаться внутри.

Они прошли по коридору вперёд до небольшой двери, в центре которой располагался люк. Бобби повернул крышку люка.

— Это только разминка. Скоро ты сможешь открыть эту дверь и выйти туда.

Профессор увидел бесконечное количество мигающих точек перед собой. Как звёздное небо, за тем исключением, что оно светилось и переливалось невероятными оттенками, то потухая, то разгораясь, местами угасало вообще. Словно искры праздничного салюта волны разбегались во все стороны, озаряя лицо Профессора. Бобби поторопился закрыть люк. Они уже дошли до середины коридора, как Профессор неожиданно остановился.

— А где остальные? Они уже там?

Бобби подтолкнул Профессора в сторону кабинета, уверенно подпихивая его вперёд. Профессор не давал говорить и не проявлял желание слушать.

— Пока никто не выходил на связь. Мы не знаем, что с ними. Первые были отправлены уже давно. У нас очень слабая связь.

Сраху надоело молчать.

— У нас её нет. И мы не знаем, что происходит там. Не знаем почти ничего.

Профессор озадаченно сдвинул брови, изучая материалы по преодолению ЭХО эффекта и барьера «Автоном». Автоном просыпается наверху, когда unitы не воспринимают себя отдельно, формируя объект, и все вместе создают новое «я» из отдельных себя. Барьер unit/Автоном. Чтобы этот барьер преодолеть и изменить своё состояние, нужно все отражения объекта, его части внутри unitа убрать или собрать, иначе объект наверху не будет полным.

Бобби включил экран, на котором появилась картинка. Профессор, Симпатия, Бобби, Срах. Они стоят у того самого люка, готовые наконец-то открыть дверь.

— Ты готов?

Профессор делает шаг. В этот момент картинка пропадает.

— Я уже там, в Автономии. Что было дальше?

Бобби включил ещё несколько плёнок.

Мы знаем об этом ничего. Нам остаётся ждать.

Профессор продолжал рассматривать материалы, Бобби переключил монитор. Они обсуждали ЭХО Fasis, исчезающие точки, расплывающиеся объекты и тающий Невозможный Мир за пределами мостов, ведущих в загадочный Zillion номер 12.

Профессор вышел в город в надежде хоть что-то знакомое найти. Здесь можно было представить что угодно, но как он ни старался, его воспоминания о некоторых объектах оказались совершенно пусты. Он с трудом пытался оживить в своём воображении всё, но объекты лишь на миг появлялись то шляпой, то набором конфет, журналом, пятнами и фрагментами скорее их свойств и присущих когда-то особенностей природы, теперь не складывающихся в единый образ, и расползающихся в разные стороны, налипая к кому-то другому, к чему-то, оказавшемуся у Профессора на пути. Здесь можно было представить всё, и оно оживало, картинки разворачивались перед тобой, демонстрируя тебе прелести твоей же мечты, но только то, что хранилось в тебе, что являлось частью тебя, могло перед тобою предстать. Тем грустнее становилось Профессору, он остро почувствовал, что же именно не является частью него, не

прижилось, не осело и не оставило ничего от себя, кроме пары предметов и возможно нескольких фраз.

Город выглядел для каждого по-другому, но всё сохранялось доступным для всех, не привлекая внимание и не мешая жить в окружении только особенного своего. В нём было легко заблудиться, если ты забывал представлять, ведь этот дом и тот парк у каждого находились и были по-особенному в разных местах. Надо было знать, в чей дом ты отправишься и интересоваться, в чей парк забрёл. Тот, что нужен тебе, как ты и хотел, за углом. Достаточно было представить, где ты, и ты оказывался именно там. В этом весь Zillion.

Профессор не находил ничего, кроме лавочки в парке и коридоров НИИ, кабинетов и люка с мерцающими огнями, в которых ему хотелось утонуть. Город немного трянуло. Профессор поторопился вернуться в здание контроля.

— Что происходит?

Бобби раздражённо отшвырнул стул.

— Сейчас ещё раз тряхнёт. Мы только избавились от связей, как нас пытаются поймать вновь. Начинает появляться корка!

Бобби вышел в коридор.

— Покажи мне мосты!

Срах включил экран, на котором появились какие-то странные изображения.

Профессор удивился.

— Что это за место?

Бобби закрыл лицо руками.

— Это наш новый мир, невозможный, опять начал строиться. ЭХО началось. Появляется всё больше точек.

Zillion стало сильно трясти. Такое постоянно сводило Бобби с ума.

— Готовимся к концу света, избавимся от этой твари! Henot включает новое ЭХО. Будет страшно, но это не конец пути. Закрывай мосты!

Мониторы погасли. Тишина и мрак окутали весь Zillion. Бесплезно было оглядываться по сторонам. Профессором овладело очень неприятное ощущение полного отсутствия абсолютно всего. Этот конец неожиданно оборвали. Раздался слабый гудок. Появился свет, постепенно разгораясь по силе и мощи, включились отдельные части города, появились первые негромкие звуки. Всё стало проясняться, вырисовываясь образно без деталей. Бобби в тумане отправился к люку.

— Мы свободны. Такое бывает. Надо держаться от этих огней в стороне, не позволяй им сближаться с нами, появится корка, это вызовет ЭХО, и мы опять застрянем в очередной иллюзии мира на несколько миллиардов лет. Кто же вспомнит потом, что мы хотели выбраться отсюда!

Бобби то и дело терялся где-то в глубинах себя, ему не удавалось выплывать на поверхность каждый раз тем же одинаковым, постоянным собой.

— Вот что происходит, если не следить за этим люком. Один миг там и миллиарды лет здесь. Именно это происходит между нашими мирами, между концом одного мира и началом другого, концом одного ЭХО и началом другого, внутри происходит ничего. Пока мы здесь, на поверхности точки, ощутили совсем ничего, там, за пределами Zilliona, прошёл целый мир, посмотри на него.

Бобби показал Профессору плёнку, постоянно перематывая её.

— Так вот всё началось, потом это, это, и конец. Целый мир начался и закончился. Но мы здесь, в Zillione, находимся вне его, к счастью для нас мы прожили всего лишь миг, столько же длилась жизнь для объекта в Автономии Skies, частью которого мы на этот миг стали.

Профессор рассматривал плёнку мира. Бобби включил изображение объекта, в котором участвовал unit 12.

— Вот он, сам не понимаю, что это. Он существовал миг в Автономии, и за этот миг здесь внутри, за пределами Zilliona, прожили этот Невозможный Мир. Вот что такое ЭХО. Оно то начинается, то прекращается, и определяется тем, с какими unitами мы вступаем в связь. И когда вступаем, у точки образуется корка, которая приводит к эффекту ЭХО внутри, и пока это длится, продолжается ЭХО Fasis.

Они подошли к люку и Бобби в него заглянул.

— ЭХО Fasis то начинается, то прекращается, а вместе с ним наша жизнь и наши миры. Начало, конец, начало, конец, и так вновь и вновь. Для нас в экстените 2 это Невозможные миры, для них в экстените 3 это всего лишь момент. Эффект отражения даёт нам миллиарды лет полной иллюзии жизни, в то время как всё это длится лишь миг, но без связей, без корки, внутри не появится ЭХО, не будет ничего. Мы находимся в связях, создаём объекты, которые не можем даже понять, чтобы здесь у нас была жизнь.

Бобби смотрел на игрушечный Zillion.

— Мы находимся между мирами. Этого всего нет. Наша

точка ненастоящая, она сама есть ЭХО. Из неё нельзя выйти за пределы настоящего мира. Из точки ЭХО каждый раз мы можем выходить лишь в последующий экстенд.

Разговоры утомили Бобби. Вестей из Автономии не поступало, это злило и выматывало его.

— Мы стоим на месте, никуда не движемся, заперты внутри. Все эти unitы постоянно формируют какие-то объекты, жизнь Автономии Skies. А мы не знаем, кто решает, какие объекты будут складываться, с какими unitами мы будем вступать в связь. Наш статус постоянно меняется. Он может быть активен, но через миг не мы контролируем его. Не мы решаем, кто управляет этими крупными объектами, частью которых мы постоянно становимся.

Бобби уселся на стул и переключил экран. Картинка Zilliona сменилась изображением Автономии Skies. Это и было основным занятием Бобби практически всегда. Он рассматривал Автономию. Вместо загорающихся и потухающих, переливающихся в оттенках, разноцветных малюсеньких огоньков, появилось изображение вполне определённого мира, который, правда, не представлялся понятным.

— Этот мир лишён той ясности, к которой мы привыкли в Невозможных мирах. Надо выбрать глубинный фон,

их там много, и убрать нулевую перспективу, потому что там её нет. Поставим фильтр. Вот примерно так выглядит Автономия Skies.

Профессор подпрыгнул с места.

— Совершенно обычные! Они такие же как мы!

Неожиданно включился Актограф. Бобби спокойно подошёл к нему.

— Нам прислали график включений.

Бобби ознакомился с графиком.

— Теперь мы часть United Forces, а это значит, наш Zillion номер 12 скоро станет частью общего Zilliona. Вот кем мы будем на ближайшие несколько перспектив. Этими объектами, точнее вот этой частью здесь, и этим непонятно что. Мы слишком малы, в общей массе объекта нас не заметить.

Бобби включил экран, на котором висело много лиц, они живо начали обсуждение нового графика включений. United Forces. Это голос освобождённых unitов, власть, принимающая решения о создании из unitов объектов Автономии Skies.

Мы и не подозревали, насколько малы. Размером с точку наш мир. Это пугало своей ничтожностью, но в

итоге именно таким и представляется весь мир. Много ничтожных, незаметных, неслышных и обездвиженных точек. Вряд ли кто-то знает о нас, они не догадываются, что мы везде, что мы всё, что мы это они, и мы всё знаем о них, потому что в итоге, всё это мы. Так кто теперь хочет стать крупным объектом? Оставался один неприятный вопрос: кто мешает нам управлять миром.

Профессор изучал мерцающий System Map с изображением всех существующих или известных unitов. Скорее это был план целого города, разбросанного, разорванного на части, и только освобождённые unitы были связаны между собой узлами. Это объединяло все их Zillionы в один огромный мир, где каждый unit играл свою роль. Unit 12 будет заниматься резервом, скоро доставят LunuLy со всех Zillionов именно сюда.

Профессор почувствовал дуновение ветра со стороны коридора и услышал громкие шаги. Первые гости. Zillion 12 открыт. В комнату влетело облако небольшого размера, за ним вошёл человек. Он проверил исправности люка, настройки карты, осмотрел город, и удалился без слов. В Ziilione тем временем что-то изменилось, появились объекты, странным образом не напоминающие ничего. Со всех частей общего Zilliona начали доставлять LunuLy в Архив unita 12.

Наверху что-то происходило, все объекты Автономии Skies неожиданно то собирались, то разбирались. United Forces объявил аварийное отключение всех unitov. На экранах любого Zilliona можно было увидеть, как разворачиваются события там, наверху, в Автономии Skies. Объекты появлялись с дырками в самых разных местах. Эти дырки расползались как кислота, разъедая тела запрещённых United Forces к созданию в Автономии объектов. Все unitы получили перечень своих включений. Внешний вид, который Автономия Skies привыкла иметь, таял на глазах. Вырисовывалась другая жизнь, другие объекты, United Forces собирал в Автономии Skies другой, свой мир. Теперь unitы решают, что из них будет сделано в Автономии Skies.

Эта война давно началась. Скоро вы увидите нас.

Бобби рассматривал объекты, частью которых был unit 12.

— Как странно, почему лично я не чувствую к ним ничего, ведь я часть, разумеется, ничтожная, но разве не должен я хоть что-то к такому объекту или от него ощущать?

Бобби каждый раз рассматривал картинку объекта наверху и каждый раз приходил в тупик.

— Ведь этого объекта самого по себе нет! Он сам по себе не существует! Unitы существуют, каждый сам по себе и в себе, но для них ничего не меняется, даже когда объекты наверху, состоящие из этих unitов, меняют себя и свои ощущения внутри. Они наверху называют себя Автономами, воспринимают себя как объекты, что-то думают, делают, и наверняка, хотят, но нет ни малейшей связи, объединяющей unitы и Автономов.

Бобби не чувствовал себя частью, не чувствовал себя каплей или точкой чего-то, он чувствовал себя только собой.

Сопrotивление готовило захват Автономии Skies. Zillionы объединялись в один. Бобби вышел осмотреть город. Весь Zillion был собран из разных Zillionов открытых и освобождённых unitов. За происходящим захватом следили все. К празднику были готовы.

Автономия Skies. Экстент 3.

Восход.

Малышка проверяла исходные модули.

— Нам нужен Профессор, мы без него не справимся.

Слон с самого начала недовоспринял весь план. Идея всегда удивляла.

— Ты веришь в Приор?

Малышка искала Профессора.

— До последнего дня остались шаги. Исходные модули всё ещё внутри. Если их не достать, ничего не получится. Нам нужна пустота, чтобы запустить стационар.

Это очень неприятное недоразумение. Часть исходных модулей по-прежнему находилась в Настоящем Мире, в Вундском Лесу. По плану, к захвату Автономии, эти исходные модули должны были покинуть Невозможный Мир, тем или иным путём, вариантов было много, и какой-то очевидно не сработал.

— Только Профессор может эту проблему решить.

В какой-то степени, разумно. Профессор всё это придумал, пусть и разгребает за всех. Слон всегда сомневался, этот раз не стал исключительным.

— Если этих модулей нет у нас, возможно ими овладели Силы Света. С чего ты взяла, что они ещё внутри? Эти миры могут находиться за пределами Настоящего Мира. Мы не знаем наверняка.

Проблема серьезнее чем кажется. В подобных случаях сомнения недопустимы, они ставят под угрозу весь план. Всё и без того шло не так и похоже не туда. Малышка

искала тот самый Вундский Лес, в котором забыли LunuЛы.

— Unit 34. LunuЛы с модулями там. Их придётся достать. Больше никому, все чем-то заняты.

Интересно чем? Как можно готовиться к концу света, который по нелепой оплошности может легко не произойти!

— Если их оставить внутри, никакого Приора не получится.

Не сказать, что в Приор верили все. Вот Слон, например, не то чтоб не верил, просто как-то сложно, и много «если, то», в общем, вряд ли получится. Особенно та часть, которую называли «Стационар».

— Ты думаешь, как выглядит пустота? Зачем он сам туда отправляется?

Слон нашёл самое удачное время поговорить. Грустный был мальчик, Аморф получился из Слона ещё грустней.

— Вот мне, Слон, как-то не до этого, чтобы о пустоте мечтать. Но я думаю, для убедительности. Для чего же ещё. Видишь ли, Синтетические Колонии и ненастоящая жизнь пугают обычных людей. И как ты представляешь убедить сразу всех прекратиться в себе? Это бунт. Они затоптали бы нас, а Профессора сожгли б на костре.

Слон так и не повзрослел, не вырос из навязанных идеалов, видел мир либо с хорошей, либо с плохой стороны. В принципе, все мы такие, либо «да», либо «нет».

— Получается, Моры отправляются в пустоту, их мира нет, и Профессор идёт с ними, чтобы они поверили. Этот нематериальный мир придумали для них, для тех, кто не верит в настоящую жизнь.

Малышка знала Слона давно. Сейчас с ним надо поговорить, успокоить, это придётся сделать. Сам он способен себя только расшатывать и заводить, а работы предстояло немало. Слона надо из лиричного настроения возвращать.

— Всё не так уж прям цинично и грустно, Слон. Ты пойми, это самый разумный план. Выбор всегда должен быть. Его хотят сделать, иметь. Прекратить настоящий Parallax, оставить от Настоящего Мира одну точку, в которой будет пустота, вот здесь тебя слушать все перестали, и неважно, какие идеи ты будешь дальше нести. Безрассудство. Злодей. Забудь про великие планы. А Профессор им ничего не обещал. Нематериальная жизнь, общий мир, сразу же понятно, какая-то чепуха, но выбор дали, он есть, настоящие миры или нематериальная жизнь. Если исходные модули останутся

в Настоящем Мире, никакой пустоты внутри точки не будет. Не будет пустоты, не получится стационар. Больше тебе скажу. Не будет пустоты, мы не сможем сдерживать настоящий Parallax. Он развернётся опять. Материю нелегко уничтожить.

Сама идея и мысль Приора, стационара, не особенно вдохновляла Слона, имелось лишь одно обстоятельство, Профессор, ради которого Слон был готов на всё. Профессор умел вдохновлять.

отвлечёмся. Стационар и Приор. Идея проста. В двух словах. Надо прекратить настоящий Parallax до последней точки, и в ней не оставить ни одного значения. Тогда точка будет искать новое значение, чтобы сразу же развернуть ЭХО себя. Если ей не давать принимать любое значение, так, чтобы она не смогла разворачивать Parallax, она будет искать другое значение, опять и опять. Её задача найти себя и развернуть ЭХО. Каждое новое значение мы будем отправлять на платформу Abaddon и разворачивать из него ЭХО мир в отдельной колонии Skylight. Когда-нибудь значений будет так много, что мы сможем их собрать, и после того, как мы получим полное новое собранное значение, мы позволим точке развернуть Parallax. Это и будет Приор, мир, в котором возможно всё. А пока точка будет прибывать в состоянии «стационар», оставаться

внутри себя пустой, и искать те значения себя, которых у нас нет и не было, потому что процесс создания мира приостановился, запнулся, подвис в самом начале себя.

Точка схватила пару значений и развернула несколько раз Parallax. Весь этот процесс естественного сворачивания и разворачивания ЭХО через новые поиски себя утомительно затянулся. Но это не самое зло. Мы так и не смогли объединить несколько значений в одно, и развернуть их в один мир, они подавляют друг друга. Всё же решение есть. Нам нужно много, много, очень много значений. Тогда возможно, мы сможем свести их в общем к нулю. В таком мире будет возможно всё, гармония и баланс. До Приора ещё далеко. Нужен стационар, который позволит нам открыть, создать, новые миры, многие из которых ещё не видели жизнь. Процесс создания всего встал, его надо слегка подтолкнуть. Потому и Приор. Доделанный мир. Сейчас у нас нет почти ничего, мы и не знаем, что такое Настоящий Мир. И совсем скоро, начнём его то ли открывать, то ли создавать. А сейчас нам нужна пустота. Исходные модули из unita 34 нужно достать.

Автономия Skies.

На улице стоял человек, который ничего не делал и смотрел по сторонам. Он не понимал, где находится,

закрывая глаза, отворачивался от всех. Его походка была слабой и неуверенной, всё вокруг ему виделось одним ослепляющим пятном, звуки доносились откуда-то сверху и снизу, приглушённые и невнятные, он пытался разобраться, что происходит, но его постоянно выключало.

Малышка искала Профессора.

— Вижу, квадрат 45632. Состояние частичное. Отсутствие.

Слон быстро погрузил человека в кугель и отправился в Вертикаль, центр Сопротивления ReUne.

— Ты меня слышишь?

Профессор не отвечал на вопросы и смотрел сквозь.

— Он не видит тебя... Он не здесь.

Профессор чувствовал покалывание внутри, но видел он только бесконечное количество маленьких мерцающих огоньков, они складывались в самые разные формы и цвета. Наконец он смог разглядеть первые очертания.

— Ты меня слышишь?

Он может видеть. Восприятие 68%.

— Что он видит?

— Пока ничего похожего на нас.

Тело Профессора лежало почти неподвижно.

— Он не может преодолеть барьер. Внизу осталось много отражений. Удаляю все.

Профессоры в разных unitax исчезали и таяли.

— Он почти здесь.

Профессор смотрел на людей вокруг и не понимал, кто они, кто он, где они, что происходит.

— Ты уже с нами?

Профессор пытался отчаянно вспомнить себя. Но что-то выветривалось из его головы, он с трудом помнил какие-то яркие точки и дверь. Всё вокруг казалось ему знакомым и привычным, но вот только откуда, он не знал и не мог зацепиться ни за одно воспоминание, которое подтолкнуло бы его в этот мир.

— Профессор, всё нормально. Ещё немного. Ты почти преодолел барьер.

Профессор постепенно начал говорить не совсем связанные в понятные предложения слова. Ему подключили набор каких-то изображений, это промелькнуло перед его глазами за пару мгновений. Все

стояли и смотрели на него.

В этот момент Профессор увидел в комнате Симпатию.

— Нам пора, Профессор.

Малышка пыталась разбудить Профессора.

— Он не здесь.

Профессор хотел подняться, но не смог пошевелиться, будто всё его тело окаменело, или вовсе не принадлежало ему. Картинка вокруг была спрятана в пыль, голоса странным образом обрывали его спокойное отключение в неизвестное. Он постоянно исчезал, сам для себя и вновь появлялся на несколько мгновений, едва успевая уловить происходящее. Голоса и образы прорывались к нему, но касались намёками и пропадали. Разные люди суетились, вероятно это с ним они разговаривали или о нём, но он никак не мог сосредоточиться, только невнятно что-то бормотал и пытался кого-то схватить.

Техник удалял отражения Профессора.

— Он не преодолел барьер. Застрял внутри. Сейчас его раздвоило по двум экстендам.

Тело Профессора никак не хотело слушать его. Он едва подошёл к окну, роняя себя и подбирая, проваливаясь в другое место, в другие события, где его окружали другие

образы, которые тоже разговаривали с ним.

— Нам надо идти, что с тобой!

Симпатия толкала Профессора. Пыль песков разносилась по всему городу. Они торопились в Zillion. Мосты уже закрывались, мир рассыпался на мелкие песчинки, которые покрывали всё. Небо исчезало, оставался один песок. Профессору постоянно хотелось оглянуться, где-то происходило что-то и было связано с ним, будто прямо у него за спиной кто-то обращался к нему, и он пытался кого-то найти, в вихре нащупать и разглядеть.

— Нам пора, Профессор! Мы превратимся в пески!

Техник удалял последние отражения Профессора.

— Профессор... нет... нет... мы почти дошли.

— Барьер преодолен. Он здесь.

Симпатия оглядывалась по сторонам в поисках Профессора, но вихрь полностью охватил всё вокруг.

Zillion.

Бобби внимательно изучал схему лифта, который был найден в одном из unitов. Им давно никто не пользовался, лифт был заброшен, как и весь unit, после

того как United Forces взяли его под свой контроль.

Skylift несложный по своему устройству расщепитель, который позволяет контролю перемещаться между экстендом два и экстендом три. С помощью этих лифтов КС постоянно сообщается из Автономии Skies с Control Corps в Невозможных Мирах.

— Он здесь совершенно бесполезен!

Срах игнорировал Бобби и лифт, всем хотелось побыстрее наверх, ждать не осталось сил.

— В Zillione ничего не работает! Такие кабины стоят во всех подразделениях контроля, они спускаются вниз, поднимаются наверх, когда это необходимо. Вот сейчас именно такой момент, что с этим лифтом не так!

Срах продолжал заниматься своими делами, не обращая внимания на Бобби.

— Сходи прогуляйся по Zilliony, прибавились новые unity. Займись чем-нибудь, пока ждёшь Orient.

Orient. Этот город United Forces строили в глубине Автономии Skies. Unity были перегруппированы в крупные объекты Сопrotивления. На улицах Skies уже появились агенты ReUne. Арканы двинулись в сторону Амбулатория.

Автономия Skies.

Профессор подошёл к столу, в его голове обрывками стали появляться воспоминания. На этот раз он вспомнил, как ему казалось, всё, доставало некоторых деталей, но он имел внутреннюю убеждённость, что эти пробелы восстановятся сразу же, как только он услышит ответы на вопросы, которые крутились в его голове. Он знал, всего пару мгновений назад он был здесь, они обсуждали unity.

— Целью был unit 12. Ты провёл там целую вечность, если помнишь, что такое время. Эту память можно удалить прямо сейчас, но она сама выветрится скоро.

Профессор чувствовал, как всё лишнее пролетало мимо, на место этой жизни пришли новые лица и новые имена. На столе лежала карта Zilliona.

— Тебе придётся ещё раз отправиться в Невозможный Мир. Unit 34. Исходные модули кто-то оставил в Вундском Лесу. Штурм Автономии уже начался. Orient готов всплыть в любой момент.

Они вышли из здания Вертикаль и сели в кугель Контроля.

— Постарайся не думать, веди себя как обычно.

Они пересекли большую часть Автономии, пока

Профессор рассматривал Skies. Город напоминал многоплановое кино, значение приобретал только фокус, а все объекты с лёгкостью изменяли свою сущность в зависимости от того, что ты хотел наблюдать. Их кугель возвращался в Восход после завершения патруля.

Восход.

Главное подразделение Контроля. Несколько зданий, тренировочные блоки, сейчас здесь собрались почти все. Целые отряды Автономов готовились к своим новым заданиям. Были включены все лифты, которые не успевали отправлять агентов КС в Control Corps в Невозможных Мирах. Они заходили в кабину по одному, расщепитель включался, разбирая Автонома на отражения, меняя его состояние на ограниченное присутствие в нескольких ЭХО себя.

Профессор встал в очередь. Он даже был рад такому внезапному путешествию обратно в мир, память от которого ещё остывала в его мечтах. Он зашёл в лифт и исчез. Профессор очнулся от громкого голоса: «Unit 34. Барьер преодолен». Он вышел из кабины и осмотрел кабинет. Ничего нового или незнакомого Профессор не заметил. На столе стояли часы, за окном бегали люди, здесь никто даже не предполагал наличие глубины.

В комнату вошёл человек.

— У нас два часа.

Тим взял Профессора под руку, они вышли из здания и сели в машину. На улице лил сильный дождь, дорога была слабо видна. Машина летела на огромной скорости по бездорожью. Через несколько мгновений из вида скрылся весь город. Они остановились перед воротами, военные осмотрели пропуск, и машина въехала в Вундский Лес.

Профессор попросил остановиться.

— Здесь очень приятный вкус имеет сам воздух.

Они прошли вглубь.

— За пределами Леса мир скоро потухнет. Мы не можем найти коды. Куда ты их спрятал?

В Автономии Skies исчезла часть базы Восход, появились расколы в центре. Там не было ничего. Пустота. Units, которые составляли эту часть Автономии Skies, были отключены. Контроль оценивал масштабы своих руин. Автономия разваливалась. По всему городу были усилены посты. Свободных зон практически не осталось. Появилась разметка и знаки, которые обязывали видеть и воспринимать предписанное ограничениями Контроля.

Вундский Лес. Unit 34.

На второй этаж Главного Корпуса НИИ вела лестница. Её

ступеньки скрипели, оживляя всё произошедшее здесь.

— Ничего не изменилось.

Они шли по узкому коридору, полы которого были залиты водой. Мимо пробежала маленькая девочка, Профессор обернулся, но она растаяла, едва уловимое содержание её жуткой песенки ещё доносилось до него. Профессор открыл дверь в комнату, там внутри стоял человек. Он медленно обернулся. Часть его лица отсутствовала, одежда была изорвана в клочья, местами она въедалась в его потрёпанное тело. На кровати сидел ещё один человек, у него не было ног, в углу комнаты стояла девочка, у которой были изъяты глаза. Везде стоял или лежал кто-то, пробегал, падал, свисал.

Профессор вышел из комнаты и направился в Лес. С самого начала это было необычное место. Оно убивало всё, что попадало сюда. У Пруда Профессор встретил Монстра Кей.

— Я не могу найти LunuLy. Надеюсь, ты не утопил их в этот мрак?

Профессор похлопал по плечу того Профессора, который сидел на лавочке и куда-то смотрел.

— Исходные модули у него.

Этот Профессор не боялся умереть. Он только этого и ждал. В этом была его роль. Когда придёт время, умереть. Мы не умеем жить, потому что ничего о жизни не знаем. Всё, чему нас научили, это как принимать смерть. Мы застряли на пути, который ведёт нас через страдания и боль к единственной цели, к выходу «Смерть».

Профессор встал и пошёл. Прямо во мрак. Монстр Кей удивился.

— Ты оставил его охранять. Коды всегда были здесь.

Пруд опустел через несколько минут. Мрак исчез, а вместе с ним начал таять и Вундский Лес. На дне озера открытыми лежали Phialы, пять чаш, в каждой из которых покоились шары с исходными кодами. Монстр Кей забрал LunuLy.

— Тебе лучше остаться здесь. Кто знает, может быть у нас будет возможность встретиться ещё.

Автономия Skies.

Восход.

Кнут смотрел на город.

— Мы проваливаемся в Orient. Захват подходит к концу.

Всё рассыпалось, слоилось и трескалось, шелушилось,

превращаясь из целого в куски и комки, брызги и пятна, несвязанные друг с другом. Автономы удивились, увидев Orient. Теперь Skies представлял два мира в одном.

Монстр Кей вышел из Леса. Всё вокруг разлеталось, он ехал по городу, который медленно исчезал. Монстр Кей вошёл в здание КС, лифт, и поднялся в Автономии Skies.

Главный почти не заметил Монстра Кей.

— Как ты выбрался? Лифты заблокированы. Модули у тебя?

В появившихся после захвата расколах в некоторых частях Автономии на свет стал отчётливо выходить Zillion, поглощая город небес. Таких дыр стало появляться всё больше. Они разрывали Небеса на отдельные территории, между которыми находилось новое пространство, ранее таившееся внутри. Внешне Автономия Skies не увеличилась в размерах, на карте отдельные участки были вычеркнуты как отсутствующие элементы города, но это были настоящие провалы в спрятанный Zillion. Карта напоминала исчёрканный лист, это были не просто вычеркнутые, это были украденные места.

Бобби долго этого ждал. Он вышел из здания DreamControl и направился к выходу в Автономию. Многие провалы в Zillion оставались без ограждений,

их не успевали ставить везде. Бобби зашёл в первый такой провал, и вышел уже на улице Автономии Skies. Он торопился на Prodrone, последние модули необходимо отправить за пределы Настоящего Мира как можно быстрее.

Мыс Тигра ревел и закипал, окружённый дымом от четырёх подготовленных к старту ракет.

Мы могли быть кем угодно, могли всё, но нас никогда не отпускало «своё», место, вцепилось и держит. Здесь уже нет. Нет никого и ничего, только мы, как память о том, что уже произошло, повторяем прошедшее, думаем, что опять живём. Всё уже случилось, уже произошло когда-то давно. Мы незатухающая память о былом, память точки, одной. Она может быть хорошей или плохой, короткой, дырявой как решето, в ней можно рыться, держать, можно хранить, забывать. Мы и есть запись всего, что произошло, могилы воспоминаний, хранилище, склад. Именно это называется душой. Память точки, одной, того, что с ней произошло.

Все эти утомительные разговоры о смысле жизни, зачем и для чего мы живём, а что, если всё просто сложилось, складывается и происходит, а смысл всему мы ищем сами, сами и придаём. Всё могло бы сложиться по-другому, тогда мы придумали бы другой смысл,

объяснили бы всё, но уже совсем наоборот.

Когда смотришь на что-то долго, привыкаешь к тому, как оно выглядит и устроено, кажется, именно таким быть и должно. Уродство только по началу воспринимается как нарушение привычного образа правильного и красоты, со временем к нему начинаешь относиться нормально, в уродство превращается всё остальное, что прежде не казалось таким. Норма это привыкание. Мы долго жили среди всего, что окружает нас, привыкли именно к этому «вокруг», к этим формам, цветам, видим в них порядок, гармонию, красоту. Их нет, потому в мирах, не похожих на наш, другая жизнь пугает нас.

Надо лишь дать себе время привыкнуть ко всему, тогда открываются красивые виды. Во всём можно разглядеть мечту, особенно свою, если долго смотреть на неё. Мы не можем хотеть того, что не знаем, что находится далеко, нам нравится наше, своё, мы боимся потерять или отпустить его, потому и стоим, застряли в пути, пока мимо проходит жизнь, мы её ждём. Мув он. Время пришло.

Ground Zero.

Шило подошёл к Стене и тут же от неё отшатнулся. Стена, которая замыкала весь Центр Ноль, Мёртвая, как называли её, потому что за пределами этой Стены не было ничего, медленно начинала исчезать. Она казалась

запотевшей, виднелись очертания пустоты, в которой проявлялись слабые контуры, тёмный угрожающий мир. В это полное отсутствие всего превращалась настоящая жизнь, и те, кого пугала ненастоящая материя, скоро останутся без неё, их ждёт ничего. Продолжения для многих не будет. В топках сознания, на заводах STRS, их сожгут, превратят в синий песок. Моров убьют. Их заманили в ловушку, чтобы они не мешали. А как ещё? Всем предложили выбор, упрямыцы сделали свой. Проблему надо решать, чтобы двигаться вперёд, а тех, кто не с нами, мы не воспринимаем всерьёз. Кого пугают масштабы разрушений? Скажем дружно «Результат всегда требует жертв».

Шило огляделся по сторонам и не увидел на этаже никого. Ruptor молчал. Не было сигналов тревоги, мигающих лампочек. Шило смотрел на огромный экран. Точки гасли одна за другой. Сияние исчезало, растекаясь в ничто.

Мы по-своему воспринимаем жизнь, и лишь немногие хотят видеть в ней смысл. Парагон, как и все города, остался пустым. Выбор сделали все, куда отправиться, жить или перестать.

Конец. Он всё равно должен был произойти. Его ждали, боялись, планировали. Какая разница, как, когда, почему

он случился, произошёл. Мы не можем и не должны зависеть от материи, мы больше чем она, мы что-то ещё.

Шило стоял перед панелями Ruptora. Появился Монстр Кей.

— У нас никогда не было ничего. Это всё ненастоящее, знаешь сам. Решение принято. ADAY случится сейчас. Выключай Paralax.

Последняя кнопка. ВЫКЛ. Вот так легко, как оказывается, можно удалить всё и всех. Не стало людей, домов, городов. Мир выключался, будто его кто-то стирал.

— Ruptor глушит ЭХО. Мы теряем реальность. Надо готовить слик.

Слик это путь в никуда. Дорога без обратного пути. Шило не принимал такие решения сам.

— Если мы включим слик, точка больше никогда не увидит себя.

Есть такие решения, которые бесполезно или поздно принимать. Их уже жизнь приняла. Это было одно из таких.

— Она засыпает!

Время есть бесконечность, круг, двенадцать переходит

в один, начало и конец, которые ждут друг друга.

— Если она уснёт, это конец, после которого не будет никакого начала.

Монстр Кей следил за показателями ЭХО.

— Без сликa мы не сможем прекратить Parallax. Видишь, выбора нет. После конца всегда идёт начало. Это бесконечность. Конец, начало, конец, и так без конца.

Шило повернулся к Монстру Кей.

— Не в этот раз. Мы не сможем вернуть Parallax. Точка останется одна! Это всё не появится! Конец без начала.

Ощущение раздробленности и неминуемого конца. Вот что оставляет жизнь. Not anymore. Теперь она в наших руках.

Монстр Кей проверил формат.

— Ты сегодня нервный. Можем не успеть. Prodrome не будет нас ждать. Пойдём, не обязательно смотреть до конца.

Они зашли в лифт. Шило не мог успокоить себя, это был первый настоящий конец света, чувства вины и ответственности не отпускали его.

— Если Лунаторий не справится, исчезнет всё, Abaddon

и мы, искусственный Parallax прекратится, Колоний не останется. Ничего не останется!

Монстр Кей рассмеялся.

— Мы уже уничтожили всё! А ты только начал бояться и переживать? Настоящего мира нет. Смирись.

По всем городам разлеталось «Необходимо проследовать к Prodromy». Кто-то ещё торопился успеть. Мир развалился и исчезал.

Мыс Тигра.

Симпатия крутилась у ракеты.

— Prodrome расслаивается. Пора улетать. Сколько можно их ждать! Мир сворачивается в точку!

Впрочем, паника охватила всех. Очередь на последние ракеты рассыпалась в разные стороны. Argusy не могли никого удержать. Аморфы и люди боялись, не хотели изначально или передумали улетать. Многих увозили за пределы без воли, принудительно, спасали кого могли, но как говорится, всех не спасти.

В городах пошёл снег. Всё было покрыто снегом, который медленно исчезал, словно кто-то отключал его, точка за точкой. Вездемен взял в ладонь несколько снежинок.

— Мы преодолели цветовой барьер.

Послышались удары отбоя старта. Все уселись на свои места. Ждали Шило и Монстра Кей. Мыс хрипел.

За пределами Мыса объекты вспыхивали, превращаясь в сгустки света. Молнии разных размеров, тусклых цветов и форм, разлетались по всем городам. Живое и неживое сливалось, слипалось, всё становилось липким и вязким. Непонятно было, то ли объекты растекались в пространстве, то ли тонули друг в друге, но всё превращалось в туман размытых очертаний и утраченных форм. Исчезли цвета. Мир напоминал чёрно-белое кино.

Везде становилось пусто. Уютные дома, красивые парки и улицы, беседки, фонтаны, дороги, мосты, открытые окна и незакрытые двери, настоящими мы не увидим их, возможно никогда.

Профессор сидел на лавочке, вспоминая историю, с которой всё началось, увиденное им сейчас открывалось впервые таким безобразным, безрассудным, чудовищным. Он не был тем, на кого смотрел. Тому Профессору нужны были только ответы, этот он хотел бы ничего не знать. Профессор был не один. Мы все ему помогли. Бесплезная фиксация на достижении превосходства уродует и разрушает всю теряющую иной смысл жизнь. От неё остаётся боль и страх.

Этот день ничем не отличался от остальных. Весь этаж был завален трупами, многие из которых давно уже разложились, но ничто не могло остановить его. Он бегал по коридорам, не замечая тела, наступая на кости, которые хрустели, как тонкий лёд. Он проваливался в гниющую плоть, шлёпая по этой грязной жиже из крови и ткани. Здание НИИ было заброшено. Окна разбиты. Зимой здесь стоял невыносимый холод, но это и к лучшему, все запахи прятались, и свежесть наполняла коридоры, которые устали дышать. Все опыты были оставлены и забыты, прошло много лет безуспешных работ, но есть такие, не сдаются. Как правило, они выбирают самый страшный путь. Несколько лаборантов и охрана на въезде, всё что оставалось от величия дерзкого проекта «Paralax», его оставили, но не ждали развития. Охрану не убрали, чтобы тот, кто внутри, держался в стороне от живых. Профессора редко посещали, его боялись, такое жуткое впечатление он умел производить своим отсутствием себя в нормальном мире. Он дико смотрел на живых, и те предпочитали к нему не подходить. Профессор и сам в какой-то момент почти перестал верить в себя, и именно тогда случился удачный роковой эксперимент. Вспышками фрагменты этой истории уже тлели в разбитых сердцах. Всё перемешалось в голове старика. Мысли по кругу преследовали его. Небо проваливалось неизвестно куда,

оставляя вместо себя пустую дыру. Профессор смотрел как кино свою жизнь, в его руке были части разломанной куклы.

Prodromы покинули Настоящий Мир. Так закончилась Эпоха Солнца, и началась жизнь, в которой мы решали, что видеть, нам пообещали возможность выбирать. Мы разлетелись на части, исчезли, растаяли навсегда. Словно туман пепел исчезающих видов окутал собою всё и медленно пропал.

Мы не успеваем учиться, не успеваем жить, не успеваем понять, для чего нам дана эта жизнь, и какая у неё должна быть цель, уходя далеко от самого процесса, во время и для которого происходит сама жизнь.

Так кому принадлежит этот мир, и сможем ли мы хоть что-то в нём изменить? Стоим ли мы перед выбором, или для нас его уже нет? Может ли один решать за всех?

Zillion.

За пределами пространства и времени.

Шило посмотрел вокруг.

— Мы будем жить так?

Монстр Кей вышел из ракеты.

— А нигде больше жизни нет. Помнишь, как мы с тобой убили её? У нас есть Abadon, это больше, чем ничего. Давай прокатимся, посмотрим на колонии.

Шило трогал всё подряд.

— Выглядит вполне реалистично. Как настоящее.

Их встречал Домино. Симпатия сидела на земле и плакала, она представляла во всех Профессора и их встречу.

Домино выглядел по-новому, свежо. Напомним, это Профессор, но его обновлённый, модифицированный вариант. Того старого и уставшего себя Профессор оставил в там, от которого не осталось следа. С таким грузом сложно мечтать. Кто придумал историю, где злодей погибает? Если только для того, чтобы переродить себя. Этот и не собирался прекращать свою жизнь. Такой, о какой он мечтал, она только началась.

Домино приветливо улыбался.

— Материя не будет играть с нами! Мы больше чем она! Мы всё! Добро пожаловать в Синтетические Колонии Skylights.

Все определённости выплывали на поверхность окружающей реальности, утопая друг в друге, они

сгущали воздух, который постепенно исчезал, наполняя мир скрытыми возможностями, превращающимися в ожившие страхи, фантазии и мечты. Восприятие терялось в неожиданных пропорциях реального и того, что должно оставаться где-то внутри, скрыто в воздухе, между объектами, в мире, который мы прежде не видели живым. Стена, разделявшая нас, растворилась, и мы смотрели на то, что было спрятано внутри. Мысли перестали появляться и исчезать, проноситься, путаться, отвлекать, они приобретали запах, обрастали плотью, и выдавливали ощущение нереального прочь.

В Zillione оживало всё, отравляя ощущения невозможностью что-либо конкретное уловить и различить, вынуждая пассивно созерцать уродство форм, запахов и цветов, замазывающих во всём этом ноктюрне жизнь, которая уже никогда по-настоящему не будет живой. Жизнь. Она всегда начинается с конца, с выхода, с финала. Всё что происходит потом, лишь придаёт этому концу или выходу смысл.

Симпатия разлеталась на части, которые с трудом удерживала собой, её разрывало, но не отпускало дальше двух метров, растягивая по сторонам и возвращая обратно, продолжать быть одним сплошным комком, из которого она пыталась разными частями себя всё же

выбраться целиком. Симпатия была сделана из кусков, напоминавших чьи-то обломки.

— Эта магия не работает! Будь я самолёт, такой бы не взлетел никогда.

Симпатия отбросила в сторону несколько лишних рук и ещё пол мира деталей, которые могли бы стать кем-то, чем-то и быть.

За это и не любили многие Zillion. Здесь было слишком много всего, и оно навязчиво прилипало стать тобой. Город быстро покидали, отправляясь в Колонии, там, в каждой из них и любой невозможно всё, как и в Настоящих Мирах, они предлагали ограниченные возможности, делая жизнь привычно лёгкой, однообразной, простой.

Монстр Кей передал Домино последние исходные коды. Они стояли на площади Tagelya перед огромным световым табло. Воланы уносили всех желающих по Колониям. Нового ничего. Этот игрушечный мир стал копией того, Настоящего, от которого осталось совсем ничего.

Монстр Кей удивился. Около трети пунктов назначения требовали специальное разрешение, Гарант.

— Зачем это и кто его выдаёт?

Так начинается конец или выход из мира, в который нас обратно не пустят, и всё обретёт или окончательно утратит смысл.

Домино смотрел на всё с высоты своего положения в мире, созданным им.

— У нас осталось две Платформы. Abadon 3 уже не наш.

Симпатия не сдержалась.

— А чей же тогда?

Для жизни не нужны ни дороги, ни повороты, ни мосты. Это место, на котором мы, ожидая, стоим. Запасные пути. Tagel был переполнен ждущими свой Гарант.

— Силы Света открывают свои Колонии, в них не пускают просто так.

Главный заметил невысокого худощавого человека, которого сразу узнал.

— Ну конечно, Бекас, кто же ещё! Способен до бесконечности только то и делать, что разрушать.

Бекас стоял на небольшом возвышении и призывал в закрытое общество, частные Колонии Skylights. Смысл сводился к одному. Эти закрытые Колонии никогда не станут частью общего мира Приор, они вообще никогда

не станут публичными. Эти свои миры останутся в чьих-то руках. Успей отхватить свою часть от общего, от всего.

— Кто создаёт всех нас? Кто выдаёт нам желаемое и прячет от нас всё, чего недостойны мы? Каждый может быть лишь за себя! Решать за одного, а не за всех или за других!

Симпатия рассматривала Сингуляры Skylights.

— Ничего общего. Свой собственный мир. Свой Сингуляр. Это же скукота. Так они быстро растащат все коды по своим углам. И куда ты смотрел?

Симпатия толкнула Домино.

— Бесплезная Кукла!

Мир разбивался на части, осколки которого были спёрты в себе. Каждый в своём крошечном игрушечном мире, в тупике, из которого выхода нет. Одиночная камера без возможности выйти наружу. Замурованные в себе, они остывали от жизни, останавливаясь в каком-то моменте, в который превращалась теперь вся их крошечная жизнь. Словно океан, разлитый по каплям в сосуды, они бились друг об друга, об невидимые свои и чужие стенки, и ничего не могли. Пустой звон, вот во что превратилась жизнь.

Aura Thoth

Фрэш Органс

ЭХО ИЗ МЫ

Syntax

Die or Modify

ISBN 978-5-00218-720-1

9 785002 187201

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36

www.pero-print.ru e-mail: info@pero-print.ru

Подписано в печать 05.10.2023. Формат 60x90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 7. Тираж 1000 экз. Заказ 905.

Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»